

+

Константин Леонтьев

Воспоминание
об архимандрите

МАКАРИИ,

игумене Русского монастыря

святого Пантелеимона

на Торе Афонской

+

Константин Леонтьев

Воспоминание
об архимандрите
МАКАРИИ,
игумене Русского монастыря
святого Пантелеимона
на Горе Афонской

С приложением статьи
Ипполита Красковского
«**МАКАРИЙ АФОНСКИЙ,**
игумен и священноархимандрит
Афонского Свято-Пантелеимоновского
монастыря»

Москва • 2009

*Одобрено Синодальным отделом
религиозного образования и катехизации
Русской Православной Церкви*

В настоящее издание вошел очерк философа и дипломата Константина Леонтьева (в монашестве Климент) «Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря святого Пантелеимона на Горе Афонской» с приложением статьи писателя и публициста И. Красковского, также посвященной знаменитому афонскому игумену. Авторы в разное время подолгу жили на Афоне. Оба произведения, написанные в связи с кончиной отца Макария, опубликованы в 1889 году. Леонтьев, уточняя и разъясняя некоторые сведения, содержащиеся в статье Красковского, помогает читателю правильно понять и оценить исторические факты и дает верные духовные ориентиры.

Печатается по изданиям:

Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891). М., 1996 (сверено по первой публикации: Гражданин. 1889. № 191—192, 196, 207, 211, 243, 246); Красковский И. Ф. Макарий Афонский, игумен и священноархимандрит Афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря. М., 1889.

*Редактор —
игумен Петр (Пиголь)*

© Редакция, макет —
альманах «Къ Свѣту», 2009
ISBN 978-5-91447-050-7

Предисловие

19 июня / 2 июля 2009 года исполнилось 120 лет со дня блаженной кончины схиархимандрита Макария, игумена Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря (1875—1889). К этой дате и приурочено настоящее издание, в которое вошел очерк Константина Леонтьева «Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря святого Пантелеимона на Горе Афонской» с приложением статьи Ипполита Красковского «Макарий Афонский, игумен и священноархимандрит Афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря». Эти произведения, опубликованные в 1889 году, были написаны в связи с кончиной отца Макария и посвящены его памяти. Оба автора с искренней любовью повествуют о замечательной личности русского афонца, его выдающихся духовно-нравственных качествах и административных способностях. В период игуменства схиархимандрита Макария Пантелеимонов монастырь, в числе братии которого находилось более 1000 иноков, достиг полного и всестороннего расцвета.

Российский консул в Салониках, известный философ и писатель Константин Леонтьев в 1871—1872 годах жил на Афоне, в Пантелеимоновом монастыре,

находясь в постоянном духовном общении с отцом Макарием и под руководством старца иеросхимонаха Иеронима — «общего им обоим сурового и великого наставника»*. Леонтьев «знал лично, знал даже коротко» отца Макария, в то время «уже избранного кандидатом на звание игумена»**. По воспоминаниям Леонтьева, «это был истинный подвижник и телесный, и духовный, достойный древних времен монашества и, вместе с тем, вполне современный, живой, привлекательный... человек в самом хорошем смысле этого слова»***. Именно пребывание в Пантелеимоновой обители, приобщение к евангельскому духу совершенного монашеского общежития и афонским традициям оказали решающее воздействие на творчество мыслителя и окончательно сформировали его духовно-философские, политические и эстетические воззрения. Несмотря на то, что Леонтьев не стал насельником Пантелеимонова монастыря, как он того желал, дальнейшая его судьба, вопреки расхожему мнению, сложилась счастливо. С помощью Божией он написал ряд выдающихся произведений поистине церковного, святоотеческого духа, наполненных глубокими культурно-политическими прозрениями, и в конце жизни, в 1891 году, по благословению своего духовника преподобного Амвросия Оптинского (не исключено, что им лично) был пострижен в монашество с именем Климент в Иоанно-Предтеченском скиту Оптиной пустыни.

Если К. Леонтьев, положивший начало своей духовной жизни в Русской обители, некогда приехал туда с единственной целью — утвердить себя в вере, сло-

* *Наст. изд. С. 53.*

** *Там же. С. 7, 50.*

*** *Там же. С. 7—8.*

жить к ногам старцев-наставников все «жалкие и растрепанные полухристианские обрывки»*, то сотрудник «Московских ведомостей» и «Русского вестника» И. Красковский в конце 1880-х годов, по его словам, «прибыл в Пантелеимоновский монастырь не то в качестве “поклонника”, не то туриста» и «пришел в церковь больше из приличия, вовсе не в религиозном настроении духа»**. И хотя он, возымевший вскоре «возвышенное настроение», по-настоящему привязался душой к отцу Макарию и свое глубокое почтение к личности игумена выразил потом в воспоминаниях, его статья, по словам А. Дмитриевского, «не лишена односторонности и даже прямых весьма важных ошибок»***. Сообщая множество сведений, писатель-публицист часто оценивает их не совсем правильно с духовной и исторической точек зрения****. Он постоянно обращается к теме «борьбы с греческими монахами» (!), пишет о «русских воззрениях и интересах» чаще, чем об «особой афонской жизни — не русской,

* *Леонтьев К. Н. Страх Божий и любовь к человечеству / Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891) (далее — ВРС). М., 1996. С. 338.*

** *Наст. изд. С. 61—62.*

*** *Дмитриевский А. А. Русские на Афоне: Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимоновского монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). СПб., 1895. С. 6—7.*

**** *Так, «чисто племенное пристрастие» к болгарам явно просматривается в его рассуждениях по поводу филетизма и отделения Болгарской Церкви (см. с. 109 наст. изд.). О греко-болгарской церковной распри и филетизме болгарском и греческом см.: Леонтьев К. Н. Византизм и славянство / Леонтьев К. Н. ВРС. С. 111—116; Леонтьев К. Н. Письма о восточных делах / Там же. С. 358—366.*

не греческой и не болгарской»*. По мысли Леонтьева, наши национальные пристрастия должны заключаться прежде всего в «страстной любви к Православию», культурно и государственно сформировавшему русскую нацию, а племенные увлечения — в желании подражать добрым духовным устремлениям единоплеменников.

В своем очерке-воспоминании, появившемся в печати почти одновременно со статьей Красковского, Леонтьев разъясняет и дополняет его повествование, исправляет ряд допущенных им неточностей. По-иному освещая сведения, собранные Красковским, Леонтьев помогает читателям правильно понять и оценить исторические факты и явления святогорской жизни, дает верные духовные ориентиры. Самое главное достоинство леонтьевской статьи, безусловно, состоит в том, что философ четко и ясно, как никто иной, показал значение для Афона и русского иночества личности старца-духовника Пантелеимонова монастыря отца Иеронима — воспитателя и наставника игумена Макария, «детоводителя» русских афонцев**.

Текст настоящего издания мы сопроводили своими примечаниями (выделены курсивом), также нами были исправлены опечатки, замеченные в источниках.

Игумен Петр (Пиголь)

* Леонтьев К. Н. Панславизм на Афоне / Леонтьев К. Н. ВРС. С. 67.

** В одном из писем к о. Макарию старец Иероним отметил: «Все Вами сделано с нашего ведения и совета... Без моего согласия Вы ничего... не делали важного». Письмо от 30 августа 1875 г. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 253, оп.1, ед. хр. 204, л. 56—56об.

I

Девятнадцатого июня скончался на Афоне игумен Русского Пантелеимоновского монастыря архимандрит Макарий. В телеграмме, полученной через Афины «Моск[овскими] ведом[остями]», сказано, что смерть его была почти внезапная. Он сам служил литургию и только что стал разоблачаться, как вдруг его поразил удар.

Окончить самому литургию, последний раз совершить великое таинство Евхаристии и умереть!

Счастливая кончина — вполне достойная его долголетних подвигов, его святой жизни, его прекрасной души!

Я знал лично отца Макария; знал его даже коротко, потому что сам целый год прожил на Афоне 17 лет тому назад ([18]71—72), постоянно пользуясь его гостеприимством в Руссике. Это был великий, истинный подвижник и телесный, и духовный, достойный древних времен монашества и, вместе с тем, вполне современный, живой,

привлекательный, скажу даже — в некоторых случаях почти светский человек в самом хорошем смысле этого слова, то есть с виду изящный, любезный, веселый и общительный. Не знаю наверное, каких лет он скончался, но думаю, что около 70 лет — 66—67, быть может. В бытность мою на Афоне в 72 году, я помню, он как будто говорил мне тогда, что ему 48 лет. Он был в то время чрезвычайно подвижен и бодр. Седых волос в его черной и длинной бороде еще мало было.

Родом отец Макарий был из тульских купцов, из богатой и весьма известной в России семьи Сушкиных. Звали его (кажется) Михаил Иванович. Во время наших с ним частых и долгих бесед на Афоне он, по просьбе моей, рассказывал мне многое о своей прежней жизни в миру и о своем удалении на Святую Гору.

Ему не было еще 30 лет, если не ошибаюсь — всего 25*, когда он постригся против воли отца.

Мать его была очень набожная и добрая женщина и, как он мне сам говорил, имела на него большое влияние.

Но по наружности молодой Сушкин жил так же, как и многие богатые и молодые купеческие сыновья 40-х годов: помогал отцу по торговым делам, ездил на ярмарки, щеголял, бывал и на балах, танцевал, по собственному признанию — даже охотно, читал и кой-какие романы, курил трубку;

* Отцу Макарию исполнилось 30 лет. — Изд.

думал иногда, конечно, и об невестах. Но при всем этом *девственность свою* он строго хранил, и мечта о монашестве не оставляла его посреди коммерческих хлопот и всяких мирских развлечений.

Мать его любила беседовать с ним о духовных предметах и часто горячо увещевала его оберегать себя до брака от плотских страстей. «Когда и жених, и невеста оба вступают в брак девственниками — ангелы Божии радуются на небесах и невидимо летают над брачным ложем их», — говорила ему мать, и эти слова ее производили на юношу, по его собственному мне признанию, глубокое впечатление.

«Я думал, — говорил он мне с чувством, — что если я согрешу, то не только навлеку на себя гнев Божий, но и мать жестоко обижу, а мне и вспомнить об этом было даже больно».

Потом прибавил, смеясь: «Ну и о невестах думал, и были барышни очень красивые, с которыми танцевать приходилось, и танцевать я был не прочь».

Я помню, до чего мне было приятно на суровом и дальнем Афоне в 70-х годах видеть этот мгновенный просвет на веселую прежнюю жизнь наших провинций и слышать эти простые и живые признания от одного из величайших аскетов нашего времени!

Такого рода рассказы и признания, вовремя и кстати произнесенные опытными монахами, чрез-

вычайно ободрительны не только для начинающих послушников, которых нередко отпугивают будущие тягости иноческой жизни, но и для мирян, желающих подчинить хоть сколько-нибудь свою жизнь учению воздержания и понуждения. Когда мне случалось в тяжкие минуты какого-нибудь нравственного или телесного изнеможения открывать душу моему этому умному, благородному и святому человеку и он говорил мне: «Понудьте себя, — только понуждающие себя восхищают Царствие Небесное», я чувствовал, что он, этот герой самоотвержения о Боге, имеет право мне так говорить!

Как обыкновенно начинал он свою жизнь, как он прожил богато и привольно до 25 лет и *что* он перетерпел *потом* здесь, на этих дальних, чуждых и безмолвно-унылых скалах — это вообразить, я думаю, не трудно!

И само даже мирское юношеское воздержание его было еще потому особенно ценно, что он, по всеобщему свидетельству, смолоду был красавец. Много легче тому вести себя скромно, на кого и глядеть никому нет особой охоты: но красота целомудрию великий противник. Может ли не чувствовать молодой человек, живой от природы, что он очень красив и что понравиться женщине ему вовсе не трудно?

А что Михаил Иванович Сушкин был очень красив смолоду, то на это у меня есть случайное и очень надежное свидетельство одного из наших товарищей по консульской службе — Николая

Федоровича Якубовского, умершего консулом в Салониках в 73 году*.

Якубовский был старый эстетик и романтик и во всем красивом, изящном, выразительном и сильном знал толк и был всему подобному бескорыстно предан. Когда он приехал сменить меня на консульский пост в Салоники года за два до смерти своей и увидел отца Макария, они вспомнили оба первую и случайную встречу свою в Дарданеллах лет около 20 тому назад, и Якубовский потом рассказал мне об этом.

Он до Крымской войны служил секретарем вице-консульства нашего в Дарданеллах; свыкся и сроднился с Востоком, но в сердце оставался пламенно-русским человеком и всему русскому был всегда до исступления рад.

Однажды из окна своего он увидел двух людей, которые, стоя на улице, оглядывались с недоумением и как будто чего-то искали.

— Я тотчас узнал в них русских, — рассказывал Якубовский. — Да и нельзя было не узнать, потому что один из них был в высоких хороших сапогах, в долгополом купеческом сюртуке и фуражке. Средних лет, солидный. А другой был много моложе и одет щеголевато и просто писанный красавчик; немножко бледный брюнет, тонкий, стройный; прекрасный нос с горбинкой; черновобрый; глаза выразительные, томные; держал

* Н. Ф. Якубовский умер 20 июля 1874 г. — Изд.

себя и скромно, и немножечко как будто бы с гордостью... Прямо так!

...Я им ужасно обрадовался. «Наши, — думаю, — наши!» Давно я настоящих здесь русских людей не видал. Кликнул их; они тоже обрадовались; взошли, и мы побеседовали. Это и был молодой Михаил Иванович Сушкин с каким-то приказчиком — отцовским или чужим, уж не помню. Они ехали на Афон, попали в Дарданеллы и искали для справок и указаний русское консульство. Ну я, конечно, все им устроил тотчас, — и вот теперь мне 60 лет, ему около 50, и где пришлось встретиться? В Салониках. Я консул — он архимандрит!

Впрочем, прибавлю я от себя, отец Макарий и 50-ти лет, и архимандритом был очень красив, строен и гибок по-прежнему; такие же прелестные выразительные глаза из-под густых черных бровей; в лице чрезвычайно привлекательном сочетание серьезности с добротой, а по временам и с откровенною, любезной веселостью; и даже та смесь скромности и достоинства в манерах, которую Якубовский находил у него смолоду, была у него заметна и после тридцатилетних трудов на Святой Горе.

Призвание к монашеству у молодого Сушкина явилось рано. По всем признакам оно было самого чистого и возвышенного характера, *самопроизвольного*, так сказать, характера, а не последовательного какого-нибудь. То есть для привлечения

его души к аскетизму не нужно было никаких особенных переверотов, скорбей, оскорблений, неудач и т. п. Есть люди, которые становятся очень религиозными и даже идут в монахи после сильных нравственных потрясений; нередко также к Богу, к Церкви и к аскетизму и без глубоких потрясений этих приводит человека его собственный тяжелый, неприятный и неуживчивый характер. Человек вообще несимпатичен, нелюбим; он это сам чувствует, он винит нередко себя; но ведь у самого-то у него *сердце есть* человеческое. Оно *болит* ежедневной и долгой обидой... И вот он ищет Бога; хочет Бога любить, Его Евангелие, Его святых, Его ученье, Церковь, старцев-учащих и людей не как людей уже (это уже ему почти недоступно), а как *братию* о Христе, братию такую же грешную, слабую, многострастную и страдающую, как и он сам, но единомысленную ему в строгом мировоззрении. «Возлюбим друг друга, чтобы в единомыслии исповедовать Отца и Сына и Святаго Духа» и «Будем в единомыслии исповедовать Троицу христианскую, чтобы возлюбить друг друга насколько есть сил!..»

Отец Макарий, повторяю, был откровенен со мною и рассказывал мне достаточно о себе, хотя бы и только в главных чертах, — ни о чем подобном я от него не слыхал. Рассказы его именно и были следствием частых вопросов моих: «Почему, и как, и вследствие чего тот или другой человек стал монахом?» Это один из самых замеча-

тельных и поучительных вопросов, когда идет речь о монашестве.

На подобные вопросы он, между прочим, рассказывая и о себе, говорил, что переворотов, внезапных или глубоких потрясений в жизни его не было, несчастной любви он не испытал, и влюбиться даже он ни разу еще не успел.

О дурном, неуживчивом каком-нибудь собственном его характере, мне кажется, не могло быть и речи. Первоначальная натура человека для опытного и наблюдательного ума всегда просвечивает произвольно сквозь самый законченный и совершенный иноческий образ. Когда изучишь монахов с доброжелательством и в то же время с беспристрастием, то монашество начинает казаться каким-то *самоваянием* по определенному образцу, при помощи Божией и при руководстве наставников... Чувствуешь, что *по изволению* своему, по усердию, по искренности веры и любви к идеалу человек сделал много, одержал над собою много побед в том или другом отношении; видишь, догадываешься, что «самоваяние» это было у него усердное, нередко даже жестокое, беспощадное к самому себе... Но что же делать, если у одного натура золотая, а у другого — медная, а у иного — деревянная или глиняная, и чаще всего смешанная какая-нибудь: золото — в одном, железо — в другом, глина — в третьем! Заслуга невидимая, перед Богом, быть может, и равная, но, видимый перед людьми, результат не тот. Опыт-

ные старцы-руководители, следя за внутренней борьбой, зная, *что* кому тяжело, отлично понимают все эти оттенки... И мы, со стороны, если хотим быть добросовестными судьями и не смущаться, должны выучиться понимать, что нельзя и требовать от всех натур равной или одинаковой чистоты окончательного монашеского образа. Но, даже и при самом правильном изваянии, разнородный, прирожденный «материал» можно видеть и мысленно осязать.

Мне кажется, что у отца Макария сама по себе и натура была драгоценная... Симпатичная душа М. И. Сушкина беспрестанно просвечивала сквозь вынужденную положением суровость и властность святогорского игумена... Узнавши его почти 50-летним аскетом, я *наугад* берусь утверждать, что он и смолоду *не мог не быть* добр, приятен, уживчив. И я уверен, что мою догадку подтвердят все те, которые знали его юношей. Поэтому едва ли какая-нибудь болезненная мизантропия или досада и на себя, и на людей могли быть причиной его удаления в монастырь.

Каких-нибудь притеснений или обид дома также, по-видимому, не было. Мать была очень добра; отец — суровее, но тоже не обижал ничем особенно. *Прямо — призвание*, чистое, настоящее. Какая-нибудь общая мысль о суете и греховности мира этого; какая-нибудь непосредственная, постоянная, утверждаемая духовным чтением мысль о загробной жизни, о райском блаженстве,

об адских, ужасающих муках, т. е. *именно то*, что составляет *самую сущность* христианской веры, сущность, увы, слишком часто забываемую нынче для дум о практической земной морали, о пользе ближних и т. д.

Быть может (и даже навверное), и сильная примесь бессознательного эстетического чувства; любовь к особой поэзии иноческой жизни. «Коль возлюбленна селения Твоя, Боже сил! Желает и скончается душа моя во двory Господни».

«Ибо птица обрете себе храмину и горлица гнездо себе, идеже положит птенцы своя; олтари Твоя, Господи сил, Царю мой и Боже мой».

«Яко лучше день един во дворех Твоих паче тысяч; изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениях грешничих».

Любовь к столь торжественному и столь трогательному православному богослужению тоже сильно действует на молодых религиозных мечтателей. Само собою разумеется, что при самом искреннем смирении и сознании своей греховности набожный юноша, поступая в монахи, не может не мечтать иногда и о том, что, быть может, он удостоится стать со временем иеромонахом, что он будет сам совершать «великия и страшныя таинства», как он будет произносить во храме те самые возгласы, которые теперь его со стороны так сильно потрясают.

Люди, отбившиеся от Церкви, отвычные от *истинного* «дедовского», несентиментального Пра-

вославия, и понять уже не в силах всей сладости подобных мечтаний, но кто не утратил настоящей веры или кого Господь помиловал и возвратил опять к ней какими бы то ни было, Ему известными, путями, тот понимает подобные желания, тот завидует служащему иеромонаху *такою завистью, какую никакая заповедь запретить не может*, — завистью доброю, любящею, чистою ревностью по Господним таинствам и по службе великой и священной Апостольской Церкви нашей.

Я уверен, что покойный старец архимандрит Макарий, еще будучи красивым щеголем — Мишей Сушкиным, мечтал об этом безнадежно и робко. Кто знает?.. быть может, даже и за стаканом чая, с трубкой в руках, сидя в каком-нибудь трактире, на ярмарке по отцовским делам.

Воображение у о. Макария было. Это несомненно. Сильная идеальная его натура была видна и в самой наружности его: в его бледном, продолговатом лице, в его задумчивых глазах, даже в той сильной впечатлительности и подвижности, которую не могли уничтожить в нем вполне ни природная твердость характера, ни ужасающая непривычный ум суровость афонской дисциплины, под действием которых он так долго прожил.

Я знал, я видел сам не раз, как его чувствительности, например, было тягостно отказать в чем-нибудь людям, стеснить их, наказать, строго понудить. Я даже часто дивился, глядя на него и слушая его речи, как могла эта натура, столь неж-

ная, казалось, во всех смыслах столь идеальная, и сердечная, и быстрая, как могла она подчиниться так беззаветно, глубоко, искренно и безответно — всему тому формализму, который в хорошем монашестве неизбежен! Скажу еще — не только неизбежен, но и в высшей степени плодотворен для духа, ибо он-то, этот *общий формализм*, дающий так мало простора индивидуальным расположениям, даже нередко хорошим, может быть, более всего другого упражняет волю инока ежечасными понуждениями и смиряет его своенравие, заставляя иногда даже и движениям любви и милосердия предпочесть послушание начальству или уставу.

Поживши на Святой Горе, я понял скоро и сам всю душевную, психологическую, так сказать, важность всего того, что многие, по грубому непониманию, зовут «излишними внешностями».

Но и понявши, я продолжал дивиться, как такая, выражаясь по-нынешнему (т. е. противно и даже довольно глупо), «нервная» натура смогла подчиниться всему этому так глубоко и так искренно! И дивясь, только еще больше любил и уважал его.

В последние, 80-е годы, по свидетельству очевидцев, о. Макарий достиг крайнего бесстрастия. Его уже ничто не возмущало: никакая случайность, никакая внезапность.

«Если бы и Гора Афонская с грохотом валилась в море, — он и тогда, кажется, не смутился бы!» Так выражаются эти очевидцы.

*Игумен Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря
схиархимандрит Макарий*

Никто от этого некролога моего не имеет права требовать точности — ни по отношению к самим событиям, ни по отношению ко временам и срокам.

Моя память, мои впечатления восемнадцать лет тому назад, в душе моей живущий образ этого прекрасного человека, кой-какие отрывки из наших с ним бесед, из его рассказов и признаний, мнения о нем других людей — монахов и мирян, — вот мои источники.

Быть может, я ошибусь в каком отдельном случае, — но я думаю, что все те, которые покойного отца Макария знали, найдут изображение мое схожим и верным. Ошибусь я в фактах и сроках, но едва ли ошибусь в понимании духа его жизни, в оценке его заслуг, его природы и стремлений.

Мне помнится, например (довольно, впрочем, смутно), будто я слышал от нескольких русских монахов на Афоне, что в Тульской губернии и соседних с нею около 48 года в среде купеческой молодежи усилилось особенно стремление к монашеству и образовалась целая компания молодых людей, которые сговаривались все вместе идти на Афон. Был между прочими в этом кружке и молодой малоросс, учитель музыки, которого я тоже знал на Святой Горе строгим иноком и замечательным регентом. По недавним известиям, он жив еще и теперь, хотя совсем дряхлый старец. Знал я и других монахов из этого самого кружка

Руссика; одного из них, помню, звали отец Анатолий; теперь его уже нет на свете.

Известно, что многие русские люди торгового сословия, сами будучи вообще набожными, нередко препятствуют сыновьям своим поступать в монахи; они точно так же, как и многие люди дворянского общества, не отвергающие ни Бога, ни Церкви, находят, вероятно, монашество крайностью. Или, даже и считая его святым или хоть, по крайней мере, полезным учреждением в принципе, по эгоистической страстности находят, что это прекрасное учреждение создано для кого угодно, только не для их сыновей. Препятствий этих от семьи не избегли и некоторые молодые люди из этого религиозно настроенного кружка. Иные отцы не только не благословляли охотно сыновей на монашество, но даже не хотели долго пускать их на поклонение святым местам Востока, опасаясь, что они там останутся. Особенно много горя выпало на долю того юноши, которого я знал в Руссике уже под именем инок Анатолия. Его отец долго и жестоко тиранил и без милосердия бил за его аскетические стремления.

Отец Михаила Петровича* Сушкина хотя и не мучил сына, но тоже долго не соглашался отпустить на паломничество. Наконец — согласился с тем уговором, что он вернется домой. Пришлось уступить, но Бог судил иначе.

* См. на с. 28 примеч. К. Леонтьева по поводу своей ошибки в отчестве о. Макария. — Изд.

Все ли разом эти молодые люди поехали на Восток или врозь — не знаю, не помню. Кажется — врозь. Помнится, как будто М. Петр. первый из них остался на Святой Горе, а вслед за ним приехали другие. Справок обо всем этом навести мне негде, да оно и неважно.

Я очень хорошо помню, что о компании этой, о страданиях отца Анатолия и о собственных тогдашних молодых чувствах мне во время жизни моей на Афоне рассказывал тот и поныне здравствующий малоросс-музыкант, который был в Русике регентом в 70-х годах. Помню также очень хорошо, что я рассказ его слушал несколько рассеянно, — но рассеянность моя происходила не от равнодушия и пренебрежения, а, напротив того, от одной весьма серьезной мысли, которая меня во время рассказов этих волновала.

Я очень хорошо помню, что я думал в то время так:

— Ведь все то, о чем он рассказывает, это религиозное движение юношей в провинции происходило в конце 40-х годов. Кажется, в том самом 48 году, когда вся Европа была в революционном огне и когда в Петербурге в другом кружке русской же молодежи, в кружке Петрашевского, задуман был безбожный и кровавый переворот. После неудачи глупого заговора этого, когда по милости Императора Николая заговорщики были не казнены, а только все сосланы в Сибирь, — рассказывали, будто бы эти молодые люди нена-

видели не только Царскую власть и сословный строй России, но и религию до того, что приобрели плащаницу и рубили ее на куски; а про Петрашевского говорили знавшие его лично люди, что он нарочно часто проходил мимо тех лавок, где на столиках стояли выставленные для продажи иконы, и нарочно же задевал их длинным воротником шинели, чтобы они падали на землю. Клевета ли это или правда — не знаю; но так говорили.

Во всяком случае, несколько больше, несколько меньше — а дух был такой у этой столичной молодежи, по имени только русской. Там дворяне, люди тонкого воспитания, люди высшей образованности, — там Европа демократическая и безбожная; а здесь, в глуши провинции, — купечество и разночинство молодое; тесный кружок единомысленных идеалистов, которые думают не о земном спасении русского общества и тем более не о «человечестве» каком-то, а только о загробном спасении *своей души!* Они тоже заговорщики; они собираются, толкуют, шепчутся, но о чем? Не о том, как устроить общество и жизнь, а *как уйти от них.* И что же? Кто больше стал полезен тому же обществу, той же русской жизни: те ли разрушители по любви к уравненному и опошленному «человечеству» или эти создатели русских религиозных общин на чуждом по быту Востоке, создатели «селений Господа сил», по любви к своей собственной душе? И вот и я,

смолоду воспитанник той же столь европейской, столь несамобытной по духу русской литературы 40-х годов, сам теперь, под сорок лет, считаю за счастье прийти поучиться не только вере, но и разуму у этих тульских и старооскольских каких-нибудь купцов на далеком Афоне! Учусь у них и умнею под старость, скорблю и блаженствую, каюсь и радуюсь и за честь себе считаю их дружбу, их участие; за дар Божий — их наставления!

Вот что я тогда думал, слушая рассказ отца Г[ригория]. *Думу* эту свою я помню твердо; ее я не забыл, но через думу эту я, в самом деле, быть может, что-нибудь и не совсем так расслышал и не совсем точно передал... Прошу тех, кто лучше моего знает все эти обстоятельства, простить мне и исправить мои ошибки.

Когда молодой Сушкин приехал на Афон, Русик стал только что поправляться в своих делах, благодаря тому что престарелый игумен-грек, отец Герасим, незадолго до этого пригласил в свой разоренный до голода монастырь русского иеродиакона Иеронима*, который дотоле жил один в особой собственной келье на берегу моря.

Подробности этого переселения я не стану здесь рассказывать; вкратце об этом я говорил уже давно, в статье моей «Панславизм на Афоне», и ее всякий может найти в моем сборнике «Восток, Россия и славянство»...

* Точнее, монаха Иоанникия (в схиме Иероним). — Изд.

Отец Иероним стал духовником и старцем еще немногочисленной тогда русской братии в монастыре святого Пантелеимона. Это был не только инок высокой жизни, это был человек более чем замечательный. Не мне признавать его святым — это право Церкви, а не частного лица, но я назову его прямо *великим*; человеком с великой душой и *необычным* умом. Родом из не особенно важных старооскольских купцов (Воронеж[ской] губ[ернии]?), не получивши почти никакого образования, он чтением развил свой сильный природный ум и до способности понимать прекрасно самые отвлеченные богословские сочинения, и до умения проникаться в удалении своем всеми самыми живыми современными интересами. Твердый, непоколебимый, бесстрашный и предприимчивый; смелый и осторожный в одно и то же время; глубокий идеалист и деловой донельзя; физически столь же сильный, как и душевно; собою и в преклонных годах еще поразительно красивый, отец Иероним без труда подчинял себе людей, и даже я замечал, что на тех, которые сами были выше умственно и нравственно, он влиял еще сильнее, чем на людей обыкновенных. Оно и понятно. Эти последние, быть может, только боялись его; люди умные, самобытные, умеющие разбирать характеры, отдавались ему с изумлением и любовью. Я на самом себе, в 40 лет, испытал эту непонятную даже его притягательную силу. Видел его действии и на других.

*Старец-духовник Русского Пантелеимонова монастыря
иеросхимонах Иероним*

Что же должен был чувствовать увлеченный духовными мечтами юноша Сушкин? Конечно, он тотчас же открыл отцу Иерониму свою заветную мысль; сознался ему, что он не просто только поклонник и богомолец у святых мест, но человек, жаждущий идти по стопам его аскетизма.

Отец Иероним сначала сурово отклонял его.

По воле Божией он поставлен пасти здесь пока еще малочисленное русское стадо. Положение на чужбине трудное. В руках греков до его перехода в Руссик община обнищала до того, что Протат афонский вывесил объявление о банкротстве этого монастыря, и греческие монахи собирались разойтись и бросить вовсе обитель. Не было ни имений, ни жертв. Как ни проста и сурова жизнь святогорских киновий, но что-нибудь надо же есть и во что-нибудь надо же одеваться. Не было, наконец, ни хлеба, ни фасоли, не было ничего, кроме долгов. После призвания Иеронима дела начали немного поправляться. Съехались русские, получились жертвы из России. Но монастырь еще беден, и строения почти в развалинах. Надо быть осторожным. В России и так духовные власти расположены осуждать афонцев за слишком легкие и многочисленные пострижения. И они, эти власти, во многих случаях правы, к несчастью... Люди недостойные, негодные, неприготовленные постригались где-нибудь тут у греков и болгар, возвращались в Россию и позорили сан монашеский. Отец Сушкина — человек очень богатый, сильный,

влиятельный, — он будет жаловаться, если его сына постригут здесь вопреки родительскому запрету. Имеет ли право отец Иероним для него одного, для Михаила Петровича, жертвовать нравственными и вещественными интересами целой общины, порученной ему по воле Божией? Конечно нет. Пусть поживет, погостит, поучится, пусть просит у отца разрешения постричься... Тогда увидим.

Так думал и говорил великий наставник...

С горестью подчинился этому решению молодой человек. Придется, быть может, и домой возвращаться! Но Господь судил иначе. По неожиданному стечению обстоятельств его пришлось постричь очень скоро; постричь даже прямо в схиму, минуя все обычные порядки и всякую постепенность*.

* Все это уже было написано, когда я прочел в «Московск[их] ведомост[ях]» (№ 182 и 184) превосходную статью г. Красковского о том же самом архим. Макарии. Ее стоит рекомендовать читателям. Кой в чем мы, однако, разнимся с ним, и я думаю даже, он в некоторых отношениях правее меня. Пока я, впрочем, в своем рассказе почти ничего не изменил и в следующий раз поговорю подробнее о некоторых более важных разногласиях наших. Исправил я у себя только две ошибки, полагаясь на свежую память г. Красковского, недавно бывшего на Святой Горе. В первой статье моей я называл молодого Сушкина — Михаил Иванович; здесь я, по г. Красковскому, стал звать его Михаилом Петровичем... Другая моя ошибка была та, что я думал — отца Макария постригли больного в мантию, но оказывается, что даже — в схиму... Я и это переменял.

Относительно отчества о. Макария прав был Леонтьев. Красковский исправил свою ошибку в отдельном издании статьи (М., 1889). — Изд.

III

Статья г. Красковского, которой я сочувствую уже за одно то, что автор так чистосердечно полюбил покойного о. Макария, имеет, сверх того, и другие достоинства. Она вообще хорошо написана и дает ясное понятие об образе жизни и нравственной физиономии этого благородного и привлекательного инок.

Автор сознается, между прочим, что он ехал на Святую Гору с некоторым недоверием, находясь под влиянием книги г. Благовещенского «Афон» (изданной еще в 60-х годах); но впечатление, которое произвел на него архимандрит Макарий, было так сильно, что он скоро переменял свои взгляды.

У г. Красковского можно найти и довольно много подробностей, изображающих необычайно деятельную жизнь о. Макария в последние годы, т. е. в то время, когда он управлял обителью уже один, без руководства и поддержки своего наставника, о. Иеронима (скончавшегося, кажется, в 85 году). Не довольствуясь тем, что он видел сам, г. Красковский приводит целые отрывки из книги секретаря русского посольства в Константинополе г. Смирнова — «Две недели на Святой Горе».

И в этих отрывках много хорошего.

Так как весьма вероятно, что не все подписчики «Гражданина» читают сверх того и другие газеты, то, я думаю, никто из них меня не осудит за

довольно длинные цитаты из обоих этих почитателей покойного архимандрита.

Вот что говорит г. Смирнов: «Я не мог достаточно надивиться бодрости и энергии отца Макария. Участвует он, например, в служении всенощной, длящейся всю ночь, служит затем обедню, после которой председатель за монастырскую трапезой. А потом, глядишь, в полдень, по нестерпимой жаре, бредет чрез двор в сопровождении нескольких монахов.

И до вечера то там, то сям видно его, постоянно занятого и спокойного, неторопливо отдающего приказания. Даже в *архондарике** (гостиной) за чаем ему не дают покою; явится монах, поклонится ему в ноги, примет благословение и вполголоса долго говорит ему что-то. Отец Макарий выслушает и одним словом, часто одним движением головы сделает распоряжение. Говорит ли или смеется не в меру кто-либо из монахов в архондарике за столом, игумен только взглянет в его сторону — и монах вдруг смолкнет, смущенно и с виноватым выражением глядит вокруг. Немало надобно тонкого ума, такта, кротости и сноровки, чтобы держать в порядке братию, ладить с Протатом и со всеми властями. Нелегко держать игуменский посох».

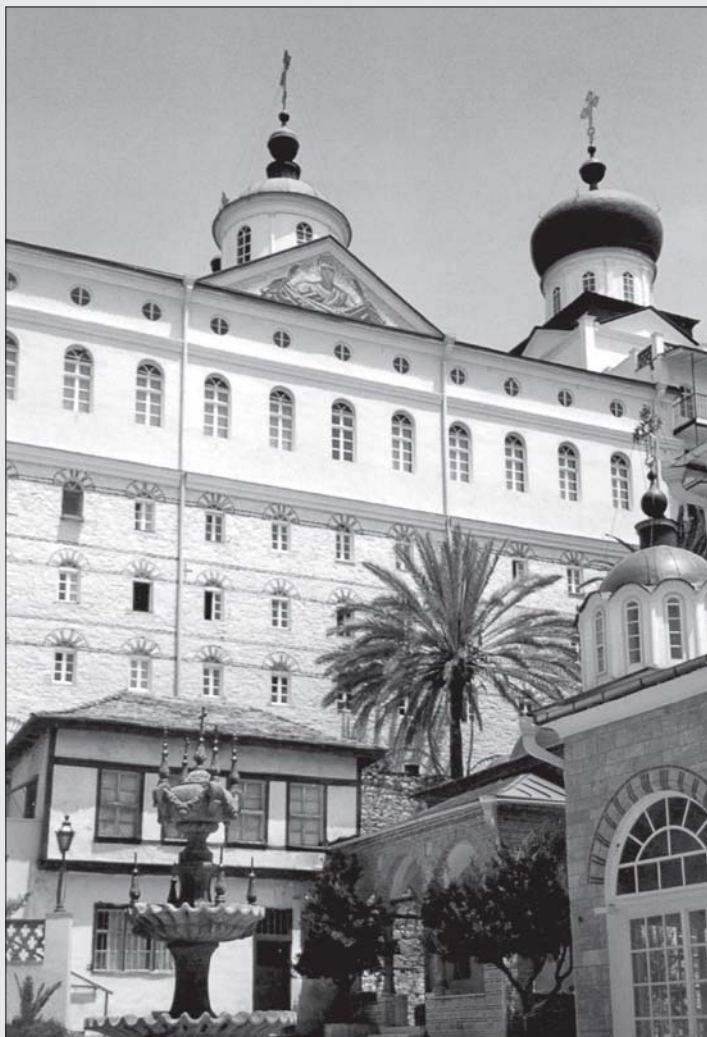
«Опасаясь явиться пристрастным, — добавляет далее от себя г. Красковский, — так как,

* *Архондарикон* — приемная для архонтов, для важных лиц. Русские монахи, которые попросе, переломали это звучное греческое слово в какой-то жалкий «фондарик».

вторяю, я очень любил почившего отца игумена, решаюсь сказать о нем более существенное чужими словами. “Архимандрит Макарий, — пишет г. Смирнов в указанной выше статье, — невысокого роста, худошав; большая борода и длинные волосы с проседью (в последнее время они были уже совершенно седыми) придают особую мягкость его доброму и выразительному лицу. По случаю болезни глаз он носит дымчатые консервы*, и это мешает разглядеть его прекрасные серые глаза. Разговор у него неторопливый, голос негромкий и негустой, порою будто срывающийся. По тому выражению, с которым взгляды монахов останавливаются на архимандрите, сразу видно, что он тут глава не по одному названию. Я с любопытством вглядывался в приятное лицо игумена, о неутомимой деятельности и административных способностях которого так много слышал.

Архимандрит Макарий занимает две небольшие комнаты с низкими потолками и маленькими окнами. Прежде у игумена была одна комната, так как другую занимал покойный старец Иероним. Деревянные диваны, несколько гнутых стульев, два-три стола и шкаф составляют все убранство игуменской кельи; ни одного мягкого кресла, никаких намеков на роскошь и комфорт; по стенам несколько икон и портретов, на окнах простые белые шторы, во всем простота, доведенная до последней степени”.

* *Защитные очки.* — Изд.

*Покровский корпус
Русского Пантелеимонова монастыря*

Когда г. Смирнов вошел к почившему отцу Макарию, “комната была полна народом, мирскими и монахами, пришедшими к игумену за различными распоряжениями перед праздником. Увидя такое многолюдное сборище, я хотел было вернуться назад, но отец Макарий уже увидал меня и поднялся из-за письменного стола, за которым сидел. Я извинился и просил его не отрываться от занятий.

— Да, действительно, — сказал мне архимандрит, — накануне праздника (храмового) дела накопилось немало. Вот сами видите.

Он показал на наполненную народом комнату.

— Уж извините, через четверть часа я буду посвободнее. А пока не желаете ли мою дачу посмотреть?

На небольшой балкон, который игумен назвал своею дачей, пришлось проходить чрез соседнюю комнату, которую, как я уже говорил, занимал отец Иероним. Тут помещается теперь спальня отца Макария, отличающаяся такою же, как и его кабинет, если еще не большею, строгостью обстановки. Спит игумен почти на голых досках, имея под головою жесткую кожаную подушку. Маленькая дверь ведет на узкий деревянный балкон, уставленный кадками с цветами, под остальными окнами игуменской келии, выходящими в другом направлении, обширная каменная терраса, окруженная чугуною решеткой и заменяющая крышу здания ризницы. С террасы открывается пре-

красный вид на монастырь, на море, на горы, с выглядывающе из-за них острою вершиной Афона. С маленького балкона, на котором я очутился теперь, вид гораздо уже: видны берег, часть залива и вдали горы Македонии, но на балконе была такая прохладная тень, в то время как полуденное солнце немилосердно накалило стены, крыши и каменный пол террасы, открывающийся пред нами уголок вида так ярко и красиво освещен, что я охотно присел отдохнуть на игуменской “даче”.

Отец Макарий тоже любил наслаждаться этою картиной, в глубокой задумчивости повторяя поэтическое песнопение: *Свете тихий святыя славы... Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога...*

Но это были редкие минуты, когда отец Макарий находил возможным отдыхать душой в природе, хотя и любил ее поэтической любовью, потому что все свои силы и все свое время он употреблял на исполнение иноческого долга и обязанности игуменской. День его начинался в глубокую полночь, когда братия несколькими ударами в колокол возбуждалась на келейное правило, которое требовалось исполнить до начала полунощницы и которое для схимонаха, каким был отец Макарий, заключается *в тысяче двухстах поясных и ста земных поклонах*. Зимой сейчас после полуночи, а летом ранее ее звонят к заутрене. Вместе с утренею для отца Макария, как первого

в монастыре духовника, начиналась очень бодрственная, деятельная, сосредоточенная жизнь. Двери небольшого параклиса в Покровском соборе*, за которые один за другим, без отдыха для духовника, входили желавшие исповедаться, осаждались такою плотною толпой монахов и поклонников, что пот катился по их лицам. По два, по три часа дожидались очереди, лишь бы только проникнуть за эти заветные двери и “у самого батюшки исповедаться”. Трудно, пожалуй, этому поверить, но это факт, что отец Макарий, особенно поклонников, иногда по часу и более времени исповедовал, зато и исповедь эта была такою, какую у латынян называют “генеральною”. Отец Макарий не допрашивал о грехах, особенно по требнику, как это делают некоторые неопытные или небрежные духовники, а исповедующийся сам во всем сознавался, вследствие одного намека прозорливого старца, глядевшего таким ласковым, всепрощающим, но в то же время глубоким взором, что тот невольно чувствовал пред собою присутствие Всеведущего и Всемилосердного, но и Карающего, а потому содрогался душой и падал ниц в трепетном сознании своей греховности. Некоторые поклонники приезжали на Афон нарочно для того только, чтобы исповедаться у отца Макария.

После утрени отец Макарий немедленно шел в один из параклисов совершать свою игуменскую,

* Это помещение обычно называли «особой келейкой на хорах». — Изд.

так называемую, раннюю литургию, которая оканчивалась почти всегда одновременно с поздней, начинающейся полутора часами позже. Игуменской литургии предшествовала панихида о каком-либо из новопреставившихся “благодетелей” обители или иноков. После панихиды начиналась проскомидия с продолжительными поминаниями просивших отца Макария молиться о них. Несколько иноков из толстых переплетенных книжек читали имена поминаемых, в то время как игумен вынимал частицы об их здравии или упокоении. Во время проскомидии читались часы медленно, внятно, большею частью кем-нибудь из иноплемennых новичков-послушников. (Во время моего пребывания на Афоне часы на игуменской литургии почти ежедневно читались или маркизом де Гр-о, или одним отставным обер-офицером из евреев.) Литургия осложнялась особыми афонскими прошениями о России на сугубой эктении “о еже утвердити в земли нашей мир и благочестие”, о том, чтобы Господь разрушил совет дерзновенно восстающих на попрание власти, Господом установленной, чтобы Вседержитель исполнил долгою дней Благочестивейшего Государя Императора нашего Александра Александровича, “да совершит вся во славу Господню и во благо народа своего”; затем тоже продолжительными поминаниями на эктениях целых сотен имен жертвователей в монастырь, отсутствующих и больных иноков, а также присутствующих во

храме богомольцев. Почти такое же, только сокращенное, поминовение происходило и во время Великого входа со Святыми Дарами. После литургии непременно служилось молебствие иногда девяти, даже двенадцати святым одновременно, и отец игумен сам своим слабым голосом пел такое молебствие.

Оканчивалась литургия, но для игумена не было отдыха. В коридорчике у дверей его келии уже дожидались многочисленные просители из келиотов, пустынножителей, сироммах* и мирских, преимущественно греков. Лишь только игумен входил в свою келию, как эта толпа буквально врывается за ним в дверь, так что приходилось запирает эту дверь на замок, чтобы дать отцу Макарию возможность выпить хоть чашку чаю и за ней отдохнуть две, три минуты. Когда отец Макарий и приглашенные им гости усаживались (а гостям этим во избежание натиска от греков-просителей приходилось иногда проходить через келейную комнату), как сейчас же подавалось неизбежное глико**, причем отец игумен выпивал рюмку фруктового, домашнего рому, закусывал вареньем и принимался за большую чашку густого московского чаю, причем в скоромные, то есть рыбные, дни допускал роскошь — кушал чай с известными филипповскими сухарями. Но лишь только одна чашка чая была выпита, как сейчас же раство-

* Нищих, бедняков. — Изд.

** Просто варенье с водою. — Авт.

рялась дверь и являлись просители-греки. У кого из них келии требовали починки, у кого калива разваливалась, кто просил платья, кто обуви, кто сколько-нибудь денег. Игумен терпеливо выслушивал каждого, направлялся к своему письменному столу, отпирал его ящик и раздавал кому золотую лирку, кому серебряный меджид или половину меджида*. На платье и обувь выдавались особые билетки, с которыми получившие их отправлялись в обширный монастырский склад, из которого выдавались требуемые вещи. На склад этот работали обширные мастерские, устроенные отцом Макарием. Однажды только мне пришлось выслушать отказ отца игумена в выдаче подрясника какому-то сиромахе, а именно когда потонуло монастырское судно с несколькими тысячами подрясников.

— Нет подрясников, — проговорил отец игумен, — потонули подрясники. Знать, мы плохо молились.

В числе просителей о денежном пособии являлись нередко и русские богомольцы, израсходовавшиеся в пути, чаще всего потому, что в Иерусалиме, благодаря образцовой неисправности турецкой почты, по целым месяцам напрасно поджидали присылки денег из дому. Отец Макарий никогда не отказывал таким просителям и даже не домохозяевам, а простым малороссийским ба-

* Турецкие монеты. — Изд.

тракам выдавал в долг (как они просили об этом) по 25 и более рублей. Почти не было случая, чтобы эти деньги не возвращались богомольцами, чаще же всего они отсылались обратно с излишком на поминовение или свечи. Многие из богомольцев спрашивали у отца Макария в долг ценные иконы.

Не успев еще выслушать всех просителей, отец Макарий шел вместе с прочею братией в столовую участвовать в братской трапезе, после которой возобновлялись беседы с просителями, а в почтовые дни начиналась письменная работа, захватывавшая все время отца игумена до десяти часов вечера, за исключением, конечно, времени, необходимого для вечерни и повечерия, на которых отец Макарий почти всегда лично присутствовал и лично же читал акафисты. Это чтение акафистов в праздничные дни было особенно торжественно».

Выписки мои из чужих статей на этот раз длинны; но, повторяю, едва ли кто посетует за это на меня. Сам я гостил на Святой Горе давно; а гг. Смирнов и Красковский очевидцы недавние, и впечатления их свежее, чем мои.

К тому же и восемнадцать лет тому назад, если бы мне пришлось писать о деятельности и образе жизни отца Макария, я не сумел бы, вероятно, лучше этого сказать. Все это верно, *и все это было и тогда*, когда я проживал подряд по 5—6 месяцев на Афоне в 1872 году, отъезжая куда-нибудь

в «мир» только на короткое время... Та же удивительная бодрость при сложении вовсе не особенно крепком, та же доброта, та же симпатичность, тот же ум, те же *три, три с половиной часа сна* после необычайно трудового дня; та же щедрость к бедным; та же способность служить в храме с глубоким чувством и особым торжественным изяществом, поражающим не только усердного богомольца, но и всякого посетителя.

К этим строкам двух русских паломников мне пришлось бы прибавить немного; разве только несколько личных воспоминаний, мне особенно дорогих, для других же имеющих мало значения.

Теперь, когда долг справедливости исполнен, мне предстоит более трудная и менее приятная обязанность — указать на то, в чем мои воспоминания о Руссике и о самом отце Макарии несколько разнятся от свидетельств г. Красковского.

Глава А

Второе мое, не слишком важное и даже не совсем решительное возражение или замечание на рассказ г. Красковского о молодости и пострижении отца Макария состоит в следующем. Г. Красковский говорит, что родители позволили М. П. Сушкину постричься на Афоне и вообще там, где он хочет. У меня в памяти, напротив того, осталось впечатление, что отец его уступил и смягчился только ввиду «совершившегося факта». Этим, мне кажется, и объясняются долгие колебания отца

Иеронима и игумена Герасима, когда дело шло о пострижении молодого и богатого купца. У г. Красковского сказано, что отец Иероним колебался постричь именно «больного» Сушкина. У меня же из рассказов самих этих покойных подвижников сохранилось в уме другое воспоминание. Вот какое. Греко-русская община святого Пантелеимона в то время едва только начала воссоздаваться из расстройств и такой крайней нужды, что монахи собирались уже покинуть ее и разойтись по другим обителям. Духовное начальство Российской Церкви и без того жаловалось неоднократно правительству нашему на слишком неразборчивые пострижения русских подданных на Святой Горе. Понятно поэтому, что и грек-игумен отец Герасим, и духовник русской братии отец Иероним — оба считали долгом своим прежде всего заботиться о вверенной им Богом общине и находили правильным принести в жертву духовные потребности одного юноши внешнему спокойствию многих; ибо это внешнее спокойствие всей братии, как русской, так и греческой, необходимо для посвящения всех помыслов и забот одной лишь духовной жизни. Но когда этот юноша заболел уже так опасно, что казался вовсе безнадежным, — его постригли немедленно и даже прямо в схиму (по свидетельству самого автора). Опасно больных постригают вообще охотно не только на Афоне, но даже и в русских монастырях, менее свободных (граждански), чем восточные.

Многие, заметим кстати, и понять не могут — зачем же это умирающего постригать? Ведь он жить уже по-монашески не будет. Обетов самоотвержения — уже исполнить на этой земле не в силах. Это какой-то бессмысленный, старый обычай, какая-то формальность, самообольщение, которое понятно было в суеверные времена Иоанна IV и Бориса Годунова, но теперь?! И «теперь», и тогда, во времена Московских Царей, основы и общий дух Православия были неизменны... И тогда, и теперь умирающие постригаются не для того, чтобы жить на земле по-монашески, а для того, чтобы чистыми предстать перед Страшным Судилищем Господним. Пострижением уничтожаются и омываются все прежние грехи, а тех новых, в которые будет неизбежно впадать живой монах, оставшийся опять на земле, умирающий уже совершить не успеет.

Однажды я у этого самого отца Макария спросил:

— Что такое пострижение — *таинство* это или только священный обряд?

— Оно относится к таинству покаяния и есть его высшая степень, — отвечал он.

Я никогда не встречал такого определения в катехизисах и, не будучи сам богословом, могу в этом случае ручаться по совести только за достоверность моего свидетельства, а не за догматическую правоту афонского аскета. Быть может, вопрос этот относится к числу тех не решенных

еще окончательно высшим церковным авторитетом вопросов, которых, по мнению иных русских богословов, еще существует довольно много в системе восточно-православного учения (так думает, между прочим, о. Иванцов-Платонов*). И эта неоконченность системы восточно-православия не только не должна пугать нас, но, напротив того, она должна нас радовать, ибо такое положение дел ручается за то, что Церковь Православная может не только еще продолжать свое *земное существование*, посредством одного строгого охранения, но и *жить*, т. е. развиваться далее на незыблемых апостольских корнях своих.

Если определять пострижение так, как я его определил со слов отца Макария (и многих других монахов), то, разумеется, становятся понятны предсмертные пострижения, и отказывать в них желающим духовные отцы не имеют ни права, ни основания.

Сушкина же *даже и больного* колебались постричь; но умирающего постригли немедленно, не ожидая никак, что он встанет и принесет со временем обители такое множество нравственной пользы и такое обилие вещественных выгод.

Я уехал с Афона в Царьград в самом конце 1872 г., взволнованный и огорченный теми серьезными размерами, которые приняла уже тогда

* *Протоиерей Александр Иванцов-Платонов (1835—1894), доктор богословия, профессор Московского университета по кафедре церковной истории. — Изд.*

греко-болгарская распря, и впервые начиная прозревать вовсе не церковные и не богомольные цели тех самых болгар, которых и мне не раз в должности консула приходилось поддерживать. Я написал тогда две статьи для «Русского вестника»: одну, общеполитическую, «Панславизм и греки», а другую, более специальную, о начинавшихся национальных распрях и на Святой Горе: «Панславизм на Афоне». Последняя была писана отчасти для русских читателей, отчасти же в ответ на фанатические нападки русофобской греческой газеты «Босфорский маяк» («Phare du Bosphore»)*. «Маяк» (между прочим, как слышно было, получавший помощь от германского посольства) страстно обвинял русских монахов на Афоне в политическом панславизме.

Это была решительно ложь и доказывало только еще раз, как я был прав, находя уже в то время, что «интеллигенция» православного Востока, и греческая, и славянская, — одинаково вся сплошь гораздо менее нас, русских, расположена к лично-религиозным чувствам, а занимается лишь весьма противной и неосторожной игрой в *политическое православие*. И греки, и болгары более образованного класса не верили даже и тому, что я жил так долго на Святой Горе из-за личных, душевных побуждений, и считали меня, конечно, ловким притворщиком и особого рода агентом

* Статья эта была переведена мною самим по-французски и издана тогда же в Константинополе отдельной брошюрой. — Авт.

генерала Игнатьева*. И это в то самое время, когда многие из русских друзей и сослуживцев моих, зная, до какой степени это неправда, не только верили в мое личное увлечение Афоном и монашеством, но по другого рода недостаточности (все-таки более сердечной, чем восточно-единоверческое) опасались за мое психическое состояние.

В вышеупомянутой статье «Панславизм на Афоне», в которую г. Красковский, может статься, в свое время и заглянул мимоходом как «старожил» катковской редакции**, есть одно место, где я говорю именно о том же, о чем и теперь, т. е. защищаю русских монахов от напрасных обвинений в преднамеренном и сознательном «славизме» на Святой Горе. Я привожу там несколько примеров и кратко рассказываю историю и причины удаления трех-четырех русских людей на Афон, не называя их по имени, ибо они все были тогда живы: двое из купцов (отцы Иероним и Макарий), один из офицеров и один безграмотный мужик-троечник.

Об отце Макарий я нахожу там вот что: «Приезжает на Афон, на поклонение, богатый купеческий сын; он и дома был мистик и колебался давно, что предпочесть: клобук и рясу или балы, театры, трактиры, торговлю и красивую, добрую

* Граф Н. П. Игнатьев (1832—1908), российский посол в Константинополе в 1864—1877 гг. — Изд.

** Редакцию «Русского вестника» возглавлял М. Н. Катков, издававший также «Московские ведомости». — Изд.

жену? Он заболел на Афоне; он умоляет грека-игумена и русского духовника постричь его хоть пред смертью. Игумен и духовник колеблются, добросовестность их опасается обвинения в иезуитизме. Молодой человек в отчаянии, положение его хуже, жизнь его в опасности. Он опять просит. Его наконец постригают. Он выздоравливает; он иеродиакон, иеромонах, архимандрит; он служит каждый день литургию, он исповедует с утра до вечера; он везде — у всенощной, на муле, на горах, на лодке в бурную погоду; он спит по три часа в сутки; он беспрестанно в лихорадке; он в трапезе каждый день ест самые постные блюда, — он, которого отец и братья миллионеры; его доброту, ум и щедрость выхваляют даже недруги его; греки советуются с ним, идут к нему за помощью. Иные, напротив того, чем-нибудь на него раздосадованные, говорят: “Все он с греками, все он за греков”.

— Что это значит? *Панславизм*, конечно! — прибавляю я в насмешку над «Маяком».

Все это было писано под влиянием недавних впечатлений и вчерашних рассказов и прочтено прямо в печати обоими упомянутыми старцами. Отец Макарий по делам обители несколько раз после этого приезжал в Царьград; всякий раз виделся со мною, говорил об этой статье и не делал мне никаких указаний на какую-нибудь ошибку в этих строках.

«Обвинение в *иезуитизме*» — так написано мне *тогда*, под этими свежими впечатлениями,

и я помню, что это слово «иезуитизм» я употребил потому, что отец Иероним, рассказывая мне о пострижении отца Макария, говорил так: «Сушкины люди очень богатые и сильные, мы *опасались постричь его: отец мог обвинять нас в том, что мы кой-как поспешили постричь сына в надежде на богатый вклад. Мы не желали иметь в России такую худую славу и повредить этим обители.* Человека попроще можно было бы без таких колебаний постричь. Но умирающему как было отказать! Мы и положились на помощь Божию».

Итак, не столько болезнь, *сколько богатство* молодого Сушкина и его родителей смущали игумена и отца Иеронима.

Чем сильнее болен человек, тем резоннее его скорее постричь добросовестным монахам, за богатством же *во что бы то ни стало* гонятся только тупые и недобросовестные игумены. И приснопамятный возобновитель Оптинской обители, архимандрит Моисей, забывал о деньгах, когда дело шло о других, высших соображениях.

Бог наградил упование отцов Иеронима и Герасима (игумена). Родители Сушкина приняли хорошо весть о пострижении сына, и вскоре прислан был от них на обитель большой денежный взнос. И с этого дня благосостояние и слава Руссика начали расти.

Молодой Сушкин принес обители благословение и счастье.

Вот мое, в сущности, незначительное возражение г. Красковскому.

Оканчивая эту главу, я перечел еще раз с начала и нашел в ней мало связи, очень мало отношения к настоящему предмету речи и, наконец, убедился даже, что и возражать о таком «оттенке» пожалуй что и не стоило. Но все-таки предаю ее на суд читателя, не исправляя ее и в том виде, в каком она у меня, так сказать, вырвалась под гнетом личных весьма сильных воспоминаний и личных же дорогих мне размышлений о духе и назначении монашества.

Сознаюсь в избыточности всех этих до дела прямо не касающихся отступлений и прошу мне их великодушно простить. Кто пережил такие сильные внутренние перевороты, как я пережил на Святой Горе около двадцати лет тому назад, тому очень трудно воздержаться от подобных увлечений или излишеств! И так приходится очень многое, слишком многое в себе подавлять и хранить!

Остается еще одно замечание — третье, последнее и самое главное.

Глава Б

Теперь следует мое последнее и самое главное возражение г. Красковскому.

В самом начале своей статьи об отце Макарии он говорил так:

«19-го прошлого июня на Афоне скончался игумен и священноархимандрит Свято-Пантелеимо-

нова монастыря отец Макарий, имя которого хорошо известно не только русскому, но и всему православному миру. Инок жизни высоко аскетической, он в то же время был великим патриотом и *одним из тех замечательных русских организаторов петровского типа, которыми собрана, устроена, возвеличена и прославлена Россия. Он восстановил на Афоне русское иночество, привлекал в управляемый им монастырь ежегодно тысячи русских поклонников из самых отдаленных окраин нашего обширного отечества и разнообразных слоев русского общества; самих турок заставил уважать русское иночество*» и т. д.

По моему мнению, все то, что сказано в этих строках, надо отнести к *отцу Иерониму*, а не к отцу Макарию.

Отец Иероним был организатор; отец Макарий был только ученик и последователь его. Отец Иероним «восстановил на Афоне русское иночество» и т. д. Он создал новую русскую общину и прославил ее. Отец Макарий только сохранил и приумножил духовные его насаждения.

Это ясно прежде всего из того, что и самого отца Макария сформировал, утвердил и выучил отец Иероним, нередко и жестоким искусом.

Эта неправильная историческая оценка весьма понятна со стороны г. Красковского; он отца Иеронима не видал, отца же Макария видел в полной

духовной зрелости, в полной готовности к загробной жизни.

Я же видел их вместе в начале 70-х годов, видел сыновние отношения архимандрита к своему великому старцу; знал, что он уже и тогда, избранный в кандидаты на звание игумена в случае кончины столетнего старца Герасима, безусловно повиновался отцу Иерониму и нередко получал от него выговоры, даже и при мне. Приведу только один пример.

Однажды пришлось архимандриту Макарию, по особому случаю, служить (не помню, в какой праздник) обедню за чертой Афона* на ватопедской башне. Башня эта, служившая когда-то крепостью для защиты монашеских берегов, теперь имеет значение простого хутора или подворья какого-то, принадлежащего богатому греческому монастырю Ватопед.

В башне есть очень маленькая и бедная домовая церковь. В ней-то и совершил отец Макарий литургию в сослужении молодого приходского греческого священника из ближайшего селения Ериссо. Жители этого селения ненавидят афонцев, по древнему преданию, за то, что когда-то и какой-то из византийских императоров отнял у них землю и отдал святогорцам. Судя по тому, что серб-

* Границей Святой Горы от «мира» считается небольшой ручей, текущий по кустам неподалеку от того места, где оканчивается плоский, низменный перешеек и начинается первая афонская крутизна. — Авт.

ский* монастырь Хилендарь — самый близкий из всех монастырей к черте Афона со стороны перешейка, вероятно (если только предание верно), земля эта досталась ему. Незадолго до моего приезда на Святую Гору сгорела у этого монастыря, и без того бедного, значительная часть прекрасного хвойного леса, и все подозревали, что жители села Ериссо нарочно подожгли его. Была ли какая-нибудь тяжба по этому поводу — не знаю; но помню, что сам отец Макарий рассказывал мне об этих враждебных отношениях соседних селян. Тем не менее он с молодым священником, приглашенным для совместного с ним служения, не только обошелся как нельзя ласковее, но даже на прощание подарил ему для его приходской церкви очень красивые и совсем новые воздухи белого глазета с пестрым шитьем. (Отец Макарий привез их с собою, зная, до чего убога церковь на этой заброшенной башне.)

Когда, по окончании обедни, мы сели — он на мула, я на лошадь свою, — и поехали обратно в Руссик, о. Макарий сам сознался мне в этом добром деле своем, небольшом, конечно, по вещественной ценности, но очень значительном по нравственному смыслу (ибо это был дар святогорца представителю враждебного святогорцам селения).

* Не знаю, как теперь, а в мое время монастырь Хилендарь был только по прозвищу сербский. Болгары, как мне говорили, мало-помалу заменили в нем сербов, потому что сербы вовсе стали отставать от монашества в XIX веке. В то время о них на Афоне почти что и не слышно было. — Авт.

Отец Макарий сказал мне с тем веселым и сияющим умом и добротою выражением лица, которое я так любил:

— Мне уж и его, бедного (т. е. молодого священника), захотелось утешить. Пусть и он повеселее уедет домой...

Отец Макарий сказал «и он», потому что он знал, как я был в этот день некоторыми обстоятельствами обрадован и утешен.

Он знал также, до чего я доброту и щедрость люблю по природе моей и как я в то время к монашеству привязался. Другому, быть может, он бы и не нашел нужным об этом сам говорить; но он угадывал, до чего мне будет приятно это слышать. Доброта глубокая часто гораздо виднее в мелочах жизни и тонкостях сердца, чем в случаях крупных; в последних нередко душа и жесткая, но не лишенная благородства смягчается и становится добра. И каждый из нас, я думаю, в жизни своего сердца может припомнить такие случаи, когда какое-нибудь тонкое к нам внимание, внушенное другому человеку мгновенным и милым движением души, несравненно больше нас тронуло, чем самые серьезные благодеяния и услуги. Так и в этом неважном, казалось бы, деле, в котором я был вовсе в стороне, — в деле красивых, но недорогих воздушных подаренных почти что врагу, и в улыбке, и в словах отца Макария, обращенных ко мне, когда мы тронулись в путь, — мое и без того так сильно расположенное к нему сердце прочло

столько живой и тонкой любви, что мне захотелось тотчас же поцеловать его благородную руку! И будь мы одни, без свиты, я, наверное, и сидя верхом сделал бы это.

Да, меня восхитило это трогательное движение его сердца; но не так взглянул общий нам обоим суровый и великий наставник.

Когда, вернувшись в Руссик, я пришел в келью к отцу Иерониму, он сказал мне при самом архимандрите.

— Отец Макарий-то, видели? Воздухи подарил священнику! С какой стати раздавать так уж щедро монастырское добро — и кому же: врагу афонского монастыря!

Отец Макарий сначала молчал и улыбался только, а потом сказал что-то, не помню, до этого дела вовсе не касающееся, и ушел.

Оставшись со мною наедине, отец Иероним вздохнул глубоко и сказал:

— Боюсь я, что он без меня все истратит. Он так уж добр, что дай ему волю, так он все «тятенькино наследство в орешек сведет»!

Я, разумеется, стал защищать отца Макария, и мне было немножко досадно на старца, что он, вместо того чтобы разделять нашу небольшую духовную радость, охлаждает ее практическими соображениями.

На возражения мои отец Иероним отвечал мне кратко и серьезно, с одной из тех небесно-светлых своих улыбок, которые чрезвычайно редко

озаряли его мощное и строгое лицо и действовали на людей с неотразимым обаянием. Он сказал мне так:

— Чадочко Божие, не бойся! Его сердца мы не испортим... Он уж слишком милосерд и благ. Но ведь игумену сто лет; я тоже приближаюсь к разрешению моему, — ему скоро придется быть начальником, пасти все это стадо... И где же? Здесь, на чужбине! Само по себе — оно и хорошо, что он эти воздуха подарил, и вы видите по жизни наших монахов, что им самим-то ничего не нужно. Но монастырю средства нужны. И отца Макария надо беспрестанно воздерживать и приучать к строгости. Он у нас «увлекательный» человек...

Так сказал старец.

При виде этой неожиданной и неизобразимой улыбки на прекрасном величественном лице, при еще менее ожидаемой для меня речи на «ты» со мной, при этом отеческом воззвании — «чадочко Божие» — ко мне, сорокалетнему и столь грешному, — мне захотелось уже не руку поцеловать у него, а упасть ему в ноги и поцеловать валяную старую туфлю на ноге его.

Даже и эта ошибка — «увлекательный» вместо «увлекающийся» человек, — эта маленькая «не-мощь образования» в связи со столькими великими силами духа, и она восхитила меня!

Да, как ни высок был нравственно отец Макарий, едва ли бы он мог без отца Иеронима

стать тем замечательным начальником, каким мы его знали.

Я говорил прежде о «самоваянии» иноков. Отец Иероним был человек железной воли по преимуществу. Его внутреннее «самоваяние», вероятно, имело целью прежде всего смягчить свое сердце, сломать, смирить свою *по природе* гордую волю. Возможно также, что именно с намерением отстранить от себя все искушения власти над кем бы то ни было он так упорно и долго отказывался от иеромонашества и в России, и на Афонской Горе, и только самое строгое повеление его святогорского наставника, старца Арсения, вынудило его принять хиротонию. Я слышал от него самого, что из России он уехал тогда, когда архиерей, полюбивший его, сказал ему: «Мы тебя далеко поведем».

Отец Иероним был до того всегда *покоен* и *невозмутим*, что я, имевший с ним частые сношения в течение года с лишком, ни разу не видал — *ни чтобы он гневался, ни чтобы он смеялся*, как смеются другие. Едва-едва улыбнется изредка, никогда не возвысит голоса, никогда не покажет ни радости особой, ни печали. Иногда только он немного посветлее, иногда немного мрачнее и суровее. А между тем он все чувства в других понимал, самые буйные, самые непозволительные и самые малодушные. Понимал их тонко, глубоко и снисходительно. Все боялись его и все стремились к нему сердцем.

— Какое у него «тяжелое» лицо! — сказал мне один набожный юноша-грек, взглядевшись в него*.

— Как он умеет успокоить и утешить одним словом, одним взглядом своим, — говорили мне монахи.

И то и другое было верно. Так действовал он и на меня.

Отец Макарий, напротив того, по самому темпераменту своему видимо был человек подвижный и горячий, человек любви и сердечных увлечений. Ему нужно было для успешного начальствования и для той внешней борьбы с людьми и обстоятельствами, к которой он был предназначен, несколько остыть и окрепнуть в руках человека покойного и непреклонного, но тем не менее искреннего в духовных вождениях своих.

Что касается до милостыни собственно, то и отец Иероним славился на Афоне щедростью своей к нуждающимся. Я сам знаю, сколько он делал и вещественного добра. Но «смирять» ли он хотел от времени до времени архимандрита, ученика своего, делая ему выговоры даже и при мне и «готовя ему за крепость венцы», или в самом деле находил, что его доброта и щедрость переходят за черту рассудительности, — это я не берусь решить.

* Выражение *вари просопон* в подобных случаях обычнее переводится словом «важный»; но я нахожу, что к лицу покойного о. Иеронима идет больше такой перевод — «тяжелое лицо», т. е. подстрочный слова *варис*. В минуту суровости в его лице было действительно нечто спокойно-подавляющее, бесстрастно-гнетущее. — Авт.

Это лучше моего знают те люди, которые с ними обоими жили дольше моего. Вообще я сознаюсь, что я сказал здесь очень мало об отце Иерониме, и даже то, что я сказал, совершенно недостойно ни его великого значения, ни его великого характера. Но что вместились здесь, то и вместились. Здесь невозможно изобразить со всей полнотою и ясностью его нравственный образ.

Заниматься мимоходом таким священным для меня делом я не стану; описывать же его житие так, как того бы требовала важность предмета, я теперь, по многим причинам, не могу.

Ипполит Красковский

МАКАРИЙ АФОНСКИЙ,
игумен и священноархимандрит
Афонского Свято-Пантелеимоновского
монастыря

I

19 июня 1889 года на Афоне скончался игумен и священноархимандрит Свято-Пантелеимоновского монастыря отец Макарий, имя которого хорошо известно не только русскому, но и всему православному миру. Инок жизни высоко аскетической, он в то же время был великим патриотом и одним из тех замечательных русских организаторов петровского типа, которыми собрана, устроена, возвеличена и прославлена Россия. Он восстановил на Афоне русское иночество, привлекал в управляемый им монастырь ежегодно многочисленных русских поклонников из самых отдаленных окраин нашего обширного отечества и разнообразных слоев русского общества, самих турок заставил уважать русское иночество*, а вместе с тем и русский народ, всегдашними представителями коего в Турции были афонцы, как во время мира, так и в трудное время войны, когда разжигался мусульманский фанатизм, а вместе с ним и дикие, кровожадные инстинкты османлисов. Под влиянием многочисленных доносов, какие представлялись турецкому прави-

* См. замечание К. Леонтьева на с. 48—49. — Изд.

тельству на Афонский Пантелеимоновский монастырь во время минувшей войны как врагами России, так и ее мнимыми друзьями, турки явились на Афон с решительным намерением разрушить это гнездо «московов», произвели где только возможно самый тщательный осмотр и обыск, прожили в монастыре продолжительное время и не только не нашли в нем ничего подозрительного, но, уезжая из него, записали свои фамилии в памятную монастырскую книгу с заявлением своего глубокого уважения как игумену, так и всей братии. Христианское смирение отца Макария и его аскетическая, подвижническая жизнь даже в сердцах нафанатизированных османлисов возбуждали высокие человеческие чувства, и они тоже со смирением склонялись пред этим удивительным для них человеком, который к ним, врагам, относился точно к дорогим гостям и о нуждах их солдат заботился с отеческим вниманием. Весной прошлого года, когда во время разбоев Солоникоса на Афоне рота турецких солдат простояла в Пантелеимоновском монастыре, мне лично приходилось слышать, как турецкие солдаты удивлялись тому, что эти «московские чернецы» не то что греки: и мяса не едят, и табаку не курят, и молятся долго, и постятся сильно, и о них, *аскерах* (солдатах) *бедных*, точно о братьях своих, заботятся. Все это, конечно, происходило под нравственным влиянием «батюшки отца игумена», ибо только таким простым, сердечным именем все, как иноки, так и поклонники, величали знаменитого пантелеимоновского архимандрита. Оскорбить батюшку для инока, даже для послушника, было величайшим несчастьем, а поклонники смотрели на него, как на «живого святого». Когда тридцать восемь лет тому

назад отец Макарий прибыл на Афон, в Пантелеимоновском монастыре было всего одиннадцать русских иноков*, а на всем Афоне всех русских не насчитывали и нескольких десятков, в настоящее же время одних пантелеимоновцев до тысячи двухсот, всех же русских иноков на Афоне до трех тысяч, если не более. Отец Макарий был тою притягательною силой, к которой все живое в русском афонском иночестве клонилось, точно растения к солнцу, и от которой сторонилось и бежало все мертвое, темное, самочинное, промышляющее сбором пожертвований. Самую главнейшую и незабвенную заслугой отца Макария останется его полная победа над кичливостью и гордостью греческих насельников Афона, не желавших не только возвращать русским инокам захваченного ими древнего русского достояния — Свято-Пантелеимоновского монастыря, но настойчиво стремившихся удержать их в рабском себе подчинении, заставляя их на себя работать и пользуясь притекавшими чрез них из России на Афон щедрыми пожертвованиями. Победа эта потребовала от отца Макария железного терпения, глубокого самоотвержения и почти сверхъестественных подвигов. Даже самой жизни его угрожала опасность, но этот русский человек все преодолел и достиг полной нравственной победы, достиг того, что в управляемом им монастыре люди разнообразных национальностей и состояний соединились в мире

* 10—11 русских насельников находилось в монастыре в 1840 г., в самом начале деятельности там о. Иеронима, а в 1851 г. их было значительно больше: «Количество русских иноков в Пантелеимоновском монастыре не превышало цифру 80 пред приходом на Афон отца Макария». ОР РНБ. Ф. 253, оп. 1, ед. хр. 207, л. 50об. — Изд.

и любви для единой цели спасения во Христе, по апостолу: *Несъ иудей, ни еллин, несъ раб, ни свободъ... Все бо едино есте о Христе Иисусе* (Гал. 3: 28).

Предоставляя себе в дальнейшем изложении подробнее очертить значение деятельности отца Макария как для русского Афона, так и вообще для России, я обращаюсь к автобиографии почившего, которую имел счастье записать под его диктовку, в более существенных местах почти дословно. Случилось это таким образом. Я прибыл на Афон совершенно неожиданно для себя. Хотя до своего личного знакомства с афонцами я смотрел на них глазами г. Благовещенского в известной его книжке об Афоне* и не меньше его боялся страшных афонских «стойл» (стасидий), будто бы переполненных ужасными насекомыми, но случайная встреча в Константинополе с одним казаком, восторгавшимся афонскими подвижниками, бросившим жену и собравшимся к ним чуть не со всем движимым имуществом своего хутора, возбуждала во мне непреодолимое любопытство к Афону, и я со своего пути во Иерусалим круто поворотил к заливу Монте-Санто. Прибыл я в Пантелеимоновский монастырь не то в качестве «поклонника», не то туриста...

Я увидел впервые отца Макария во время так называемой в Пантелеимоновском монастыре игуменской литургии, которую он ежедневно, кроме праздников**, совершал в каком-нибудь из параклисов (приделов), чаще же в своей, расположенной рядом

* См.: Благовещенский Н. А. Афон: Путевые впечатления. СПб., 1864. — Изд.

** В праздники о. Макарий совершал литургию в одном из соборов — Пантелеимоновском или Покровском.

с его келлией, церковке вместе со своим диаконом отцом Тихоном (москвичом) и особым игуменским хором певчих из избранных иноков. Я пришел в церковь больше из приличия, вовсе не в религиозном настроении духа, еще совершенно усталым, разбитым после продолжительного и неудобного переезда на турецком пароходе, но, утверждаю, после Великого входа со Святыми Дарами попал в положение тех послов святого Владимира, которые, присутствуя при богослужении в храме святой Софии, не знали, где они находятся: на небе или на земле. Все богослужение, сам отец Макарий, его облик, торжественные жесты, интонации голоса возбудили во мне возвышенное настроение. И с каким трепетом после литургии я подходил к этому великому служителю Божию, когда нас, поклонников, пригласили на греческий фондарики (в гостиную) под игуменское благословение, с каким благоговением принял из рук его просфору, как неловко стал брать ложечкой варенье (во время восточного угощения) и запивать его водой, а затем вдруг каким задушевым тоном заговорил со мной этот строгий аскет...

Спустя несколько дней я чрез посредство отца Валентина, своего гостинника, просил позволения исповедоваться у отца игумена, на что и получил согласие. Таким образом отец Макарий сделался моим духовным отцом, и я полюбил его горячо. Неудивительно, что и отец Макарий однажды на хуторе Крумице, когда мы остались вдвоем среди цветущей природы и очаровательного вида на дикие горы и море, рассказал мне свою жизнь. А отец Макарий любил природу любовью поэта, художника, но также высоко ценил искусство. Не было бы афонской иконописи,

если бы художественный такт отца Макария не указал ей настоящего направления.

Впоследствии отец Макарий по моей настоятельной просьбе продиктовал мне из своей биографии то, что счел возможным напечатать, на что и благословил меня, когда я найду это удобным. Отец Макарий начал рассказ о своей жизни описанием тех трудностей, какие ему пришлось встретить при его отъезде из России. Сын богатого тульского купца, потомственного почетного гражданина Ивана Сушкина, Михаил Иванович (таково было мирское имя отца Макария) был снабжен всем необходимым для продолжительного путешествия по Востоку, каковое предпринял, намереваясь поклониться Святой Земле и библейским путем проехать на Синай, а затем, возвратившись чрез Египет, посетить знаменитейшие монастыри, чтоб избрать один из них для своего пострижения в иноческий чин. Вместе с молодым путешественником был временно отправлен один из приказчиков его отца, решившийся для сопровождения его оставить на неопределенное время своих жену и детей. Родители Михаила Ивановича не противились его желанию поступить в монашество и благословили его на этот подвиг. В Одессе собралось двадцать семь человек, желавших отправиться за границу для поклонения Святой Земле, но их не соглашались выпустить из России без особого на то Высочайшего разрешения, которого пришлось дожидаться четыре месяца. Высочайшее разрешение на заграничное путешествие выдавалось тогда с большими трудностями. На заявивших желание выехать из России смотрели крайне подозрительно, принимая их за сектантов. Все двадцать семь человек, ожидавшие в Одессе

разрешения на выезд за границу, в числе коих был и М. И. Сушкин, жили на одной квартире, и за ними был устроен полицейский надзор. К ним часто ходили жандармы, сначала для наблюдения за ними, а потом — как знакомые. От подозрения в сектантстве путешественников спасло то простое обстоятельство, что они квартировали в доме духовного лица, знакомого с тогдашним херсонским архиепископом высокопреосвященным Иннокентием, которому было доложено домовладельцем, что они два раза исповедовались и приобщались. Подозрение же в сектантстве они возбудили тем, что всею группой одновременно подали прошения о разрешении на выезд за границу. Разрешение это дано было не всем сразу, почему одни из этой группы выехали из России раньше, другие позже. М. И. Сушкину пришлось ждать, пока его слуге-приказчику вышлют паспорт, так как его случайно пропустили в общем списке лиц, на выезд которых из России испрашивалось Высочайшее разрешение. Михаил Иванович усиленно хлопотал о том, нельзя ли как-нибудь пропустить с ним за границу его слугу, не дожидаясь на это Высочайшего разрешения, но одесский губернатор, которым в это время был, кажется, Федоров, решительно заявил: «И птички не пропущу за границу без разрешения Государя». Даже хлопоты г-жи Нарышкиной не могли склонить губернатора к уступчивости.

Совершив путешествие во Иерусалим и на Синай, Михаил Иванович с несколькими из своих спутников и в сопровождении своего приказчика прибыл в Солунь, где они не встретили ни одного русского. В русском консульстве никто не мог понять ни слова по-русски. Путешественники пришли в это консульство,

постояли, да так и ушли, не имея возможности сказать ни с кем родного слова. Остановились на подворье Афонского Пантелеимоновского монастыря. Дождались праздника святого Димитрия Солунского, 26 октября, а 28-го того же месяца отправились на Афон сухим путем прямо в Свято-Пантелеимоновский монастырь, куда и прибыли благополучно в ночь на 3 ноября 1851 года.

В Пантелеимоновском монастыре Михаил Иванович нашел некоторых из своих спутников, которых он оставил в Константинополе, отправляясь в Палестину и на Синай. Двое из них были уже монахами. Впечатление, произведенное на Михаила Ивановича Пантелеимоновским монастырем, было не особенно благоприятное, и он вовсе не имел намерения остаться в нем. Тогдашний духовник русских иноков в монастыре, которых было всего одиннадцать человек, пригласил Михаила Ивановича выпить чаю и долго беседовал с ним, после чего у него явилось желание остаться в монастыре, несмотря на то что — отец духовник не скрывал — ему жить будет очень трудно, так как монастырь бедный и в нем два элемента, греческий и русский, причем всем управляют греки. Духовник посоветовал Михаилу Ивановичу молиться о том, чтобы Господь открыл, как поступить ему: оставаться в монастыре или уже уехать из него, а в праздник архистратига Михаила, день именин Михаила Ивановича, приобщил его Святых Таин. После этого Михаил Иванович решил остаться в монастыре, однако лишь под условием, чтоб ему дозволено было весь год прожить мирянином, не принимая даже послушничества, но, по словам отца Макария, «Бог судил иначе».

После 8 ноября Михаил Иванович, вместе с другими русскими, отправился осматривать афонские монастыри, поднимался на вершину Афона, и когда сошел с нее, то, между прочим, посетил расположенный невдалеке от подошвы горы молдавский скит Лак, славящийся и до настоящего времени строгостью жизни своих иноков*. В этом скиту Михаил Иванович встретил одного девяностопятилетнего старца, которым очень заинтересовался. Старец этот хорошо знал русский язык. Михаил Иванович вступил с ним в продолжительную беседу, причем, не зная местных климатических условий, долгое время, часа полтора, просидел на мраморной плите, отчего простудился. Не успели дойти до Каракальского монастыря (ходили пешком), расположенного не в дальнем расстоянии от молдавского скита Лака, как Михаил Иванович почувствовал сильную лихорадку. Идти дальше пешком не мог, почему выпросил себе мула, на котором мог доехать только до монастыря Котломуша, в расстоянии часов двух-трех пути от Каракала. Ввиду внезапной болезни Михаила Ивановича его спутники не заезжали в Иверский монастырь, расположенный на самой дороге, хотя ехали партией в десять человек.

* В этом скиту некоторые пустынножители, по рассказам очевидцев, проживают в дуплах вековых деревьев, но мне не удалось видеть их. Румыны на Афоне вообще славятся аскетизмом. Кроме названного скита, у подошвы Афона есть и другой молдавский скит, Богоявленский, основанный в 1853 г., тогда как скит Лак очень древний.

Богоявленский скит, находящийся на земле лавры преподобного Афанасия Афонского, более известен как Иоанно-Предтеченский. Основан в 1852 г. на месте Иоанно-Предтеченской келлии. — Изд.

В Котломуше Михаил Иванович совершенно слег. Все спутники его уехали, и с ним остался один только его слуга-приказчик, совершивший с ним путешествие во Иерусалим и на Синай. Приказчик этот, оставивший дома семью, очень плакал, вспоминая о ней, что еще ухудшило положение больного. Приближался праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Михаил Иванович чувствовал себя очень плохо, почему просил духовника отца Иеронима приехать к нему. Отец Иероним нашел необходимым перенести больного в Пантелеимоновский монастырь. Переносили на носилках. Погода в это время стояла очень хорошая. Больного поместили в особой келлии на греческой половине монастыря, где теперь келлия отца Павла (строителя и казначея) и где в то время были лучшие фондаричные комнаты (гостиные). Русские тогда жили совершенно отдельно от греков, в том корпусе, в котором теперь игуменская келлия, с соборным храмом Покрова Пресвятой Богородицы.

Продолжаю затем повествование собственными словами отца Макария. «В день святой Екатерины, — рассказывал он, — меня посетили игумен и духовник. Я спросил игумена: может ли он принять меня в монастырь послушником, так как прежде он благословил меня на то, чтоб я год прожил мирским. Игумен отвечал, что может. Отец Иероним был между нами переводчиком, так как я тогда очень плохо понимал по-гречески. Не имея силы встать с кровати и по афонскому обычаю сотворить игумену земное метание (то есть поклониться ему до земли), я, лежа, только протянул руку до полу. Таким образом я был принят в послушники.

Болезнь продолжалась с прежнею силой, и никакое лекарство не помогало. Лечил доктор из Иверского монастыря, нарочно приглашенный для этого еще в Котломуш, монах, но врач очень опытный. 26 ноября я почувствовал ухудшение в своей болезни, почему и стал просить отца Иеронима о принятии меня в монашество, так как чувствовал полный упадок сил, но отец Иероним решительно отказался исполнить мою просьбу. Отец Иероним опасался, что мой отец будет протестовать против моего пострижения в монашество, так как меня постригут больным, но отец мой отпустил меня именно с тою целью, чтоб я избрал себе место, где бы мог принять пострижение, и на мое поступление в монашество он был согласен*. Я был у отца третьим сыном**. Если и теперь мало знакомы в России с Афоном, то в ту пору и подавно меньше его знали, поэтому я и не думал о поступлении в монашество на Афоне.

26 ноября, вечером, лежа в постели, я услышал разговор доктора с греческим монахом отцом Неофитом, который ко мне был приставлен. Доктор говорил отцу Неофиту: «Я слышал, этот поклонник утром просил монашества у отца Иеронима, который отказал ему в его просьбе, так сходи к отцу Иерониму и скажи ему, что кризис безнадежен, и что он едва до утра доживет». Когда доктор вышел, я устал убедительно просить отца Неофита сказать мне, что говорил ему доктор. Неофит долго не соглашался испол-

* *Замечания и уточнения Леонтьева к повествованию Красковского о постриге о. Макария и об отношении к этому его отца см. на с. 40—43. — Изд.*

** *Братья о. Макария: Василий, Иван, Петр. — Изд.*

нить мою просьбу; но когда я стал умолять его об этом именем Бога, Неофит отвечал: «Доктор сказал, что хотя вы и не в опасности, но вам все-таки не мешает принять хотя малое пострижение». Тогда я стал просить отца Неофита пригласить ко мне отца Иеронима, и когда отец Иероним пришел в мою келлию, снова стал упрашивать его постричь меня в монашество. Отец Иеронима опять отказал мне и затем спросил доктора: «В каком он положении?» Доктор отвечал: «По моему мнению, он до утра не может прожить». Я стал убеждать отца Иеронима, чтоб он сказал мне, что говорил ему доктор. Отец Иероним не утаил от меня сказанного ему доктором. Тогда я уже со слезами стал просить отца Иеронима, чтоб он немедленно сходил к игумену и просил его сейчас же постричь меня.

Игумен не заставил долго ждать себя, и когда приступил к пострижению, то отец Иероним спросил: как постригать, в монашество или в схиму? Я был в нерешительности, как отвечать, и обратился к своему слуге с тем же вопросом. Тот сказал: «Вы столько времени собираетесь в монашество, семейством вы не заняты». Тогда я подумал: «Хоть ты в послушническую черную рясу оденешься, хоть в схиму, все равно: сердце уже дало обет Богу». Я попросил постричь меня в схиму. В продолжение всего обряда я был в полусидячем положении, с откинутаю назад головой и в состоянии полусознательном. Вслушивался в то, что читали, насколько мог, но слышал лишь вполголоса, будто в полудремоте. Игумен сказал: «Постригается раб Божий». Отец Иероним спросил: «Как имя?» Игумен отвечал: «Макарий». Слово это я услышал ясно и снова впал в полудремоту. По окончании пострижения меня приобщили Святых Таин.

Когда игумен и духовник ушли, меня уложили в кровать, и я, после трех суток, проведенных без сна, уснул. Слышу сквозь сон, что в мою келлию стали входить монахи и говорить мне разные приветствия, но я никому ничего не отвечал, потому что слышал все точно во сне. Один из монахов подошел к моей кровати и сказал: «Слава Богу, что вы сделали Макарием». Кажется, что я мог только проговорить ему в ответ: «Спаси, Господи!» Это было уже спустя четыре часа после того, как я уснул. Постригли меня пред утреней, а во время утрени монахи услышали, что на эктении поминают схимонаха Макария и потому из церкви зашли поздравить меня.

Пострижение мое совершилось в полночь на 27 ноября (26-го числа оставалось лишь 10 минут), а к 4 декабря я совершенно оправился, так что мог ходить, но уже и 27-го числа, к полудню, когда после литургии мои сотоварищи пришли поздравить меня, я мог сидеть незначительное время. При пострижении на меня надели одну только схиму, а монашеское платье побоялись одевать, чтобы меня не растревожить и не усилить моей болезни. С 27 ноября я перестал принимать лекарство. Думал, что умру, радовался, что достиг цели и что теперь легко умереть.

6 декабря пришли ко мне мои сотоварищи, выехавшие со мной из России, и так как они были певчие, то пропели все стихиры, какие поются пред пострижением в схиму. Так я благодушествовал до 12 декабря. В этот день по случаю бдения святому Спиридону вечером я остался один в комнате и начал размышлять о том, что произошло со мной в продолжение моей болезни и пострига. Я как бы ужаснулся. Сколько-нибудь я знал, как в России думают о схимниках,

почувствовал себя совершенно оторванным от мира и зарыдал. Случилось это потому, что мне одному пришлось просидеть четыре часа. Слуга мой ушел и очень долго не возвращался. После оказалось, что он все это время просидел у одного знакомого иеромонаха.

В тот момент, как я зарыдал, я почувствовал, что со мной снова сделалась лихорадка, и еще сильнее прежнего. Я попросил сходить за человеком, потому что уже сам не мог встать с постели. 23 декабря надо мной уже читали отходную. Весь праздник я пролежал, а к 6 января стал оправляться. 6 января игумен, возвращаясь крестным ходом с Иордани, зашел ко мне со всею святыней и со всеми служащими иеромонахами. Встречая игумена и лобызая святой крест, я громко зарыдал. Это были слезы благодатные, от избытка чувства благоговения...

По уходе игумена из моей келлии с крестным ходом я почувствовал себя почти совершенно здоровым, так что послал к духовнику спросить, нельзя ли мне прийти к нему приобщиться. Духовник отвечал посланному с усмешкой: «Скоро выздоровел!» 30 января я проводил обратно на родину своего слугу, а на третьей неделе Великого поста начал канонарничать. Что это за день был, день торжества! Точно на крыльях летал я от одного клироса к другому.

Время затем пошло для меня монастырским порядком: я был чтецом и канонархом в церкви, ходил на все общие послушания, преимущественно в хлебню. Общие послушания в Пантелеимоновском монастыре существовали до 1857 года. Ходили в кухню чистить рыбу, траву, мыть посуду и пр., вязали лук в вязанки, таскали известку на спине в деревянных

самарах* и вообще делали все, что придется. При помощи Божией все проходило чрез мои руки. В 1854 году, 20 февраля, на сырной неделе, меня рукоположили во диакона**. Тогда не служили литургии каждый день, поэтому на общие послушания ходили и диаконы. Впрочем, диаконов в русской общине было только что один я, а иеромонахов во всем монастыре на двести человек братии было всего четыре, и они служили литургию лишь по субботам, воскресеньям и в дни полиелейные. В это время происходила Крымская война, в продолжение которой нам пришлось пережить много тяжелых дней.

II

«Мы получили известие об объявлении войны Россией Турции 9 мая, — продолжал отец Макарий повествование о своей жизни. — Между русскими, проживавшими в нашем монастыре, вследствие этого известия было много смущения. Все они хотели уезжать. Приходили ко мне с просьбами о том, чтобы я ходатайствовал пред старцами о выпуске всех русских из монастыря и о разрешении им отправиться в Россию, но я отказался принять на себя такое ходатайство, так как еще не имел голоса в собрании иноков и опасался, по новости своего вступления в монастырь, своим ходатайством нарушить спокойствие

* Самары — продольные деревянные ящики, в которых носят на постройку известку и кирпичи. Самарами называют также деревянное седло для мула.

** Отец Макарий был рукоположен во диакона 22 февраля 1853 г. См.: его письмо к родителям от 16 марта 1853 г. в кн.: Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. СПб., 1895. С. 119—121.

старцев, но наедине отцу Иерониму передавал все, что мне говорили русские, и отец Иероним наставлял меня, как поступать. По прошествии некоторого времени старшие братия, как греки, так и русские, составили домашний собор, на котором в Бозе почивший игумен Герасим сказал, что всякий принявший монашество не имеет права никуда уходить из монастыря, а что Бог пошлет, то должен претерпеть. Бывший архимандритом Константинопольской миссии отец Амвросий начал оспаривать решение игумена, но игумен отец Герасим сказал ему на это в ответ, что он его не задерживает, так как он не принимал монашества в здешнем монастыре, а равно как рясофорным, так и простым послушникам предоставляет на их волю: оставаться или уезжать, но все-таки уезжать им не советовал бы, так как они дали сердечный обет, а меж тем еще не видели ничего такого, что бы могло побуждать их к бегству из монастыря. Вследствие этих слов игумена почти все из бывших тогда в нашем монастыре восьмидесяти человек русских остались, кроме десяти человек, которые и собрались уезжать в Россию. В числе этих десяти человек был Святогорец*, который уже прежде покушался уезжать с Афона, но дивным образом каждый раз был остановлен. Раз наняли судно для проезда в Россию, но судно это оказалось разбойническим; в другой раз судно нанялось, но лишь капитан его

* Иеросхимонах Сергей (в миру Авдий Веснин), известный своею книгой «Сочинения Святогорца, письма к друзьям своим о Святой Горе Афонской и стихотворения его». Книга эта имела несколько изданий и до настоящего времени знакомит русских читателей с жизнью на Афоне.

Иеросхимонах Сергей — в миру Семен Веснин. — Изд.

узнал, что поедут русские, так судно тихонько ушло в море, хотя у всех собравшихся ехать на нем паспорта были прописаны (визированы у турецкого каймакама на Афоне). Тогда сообщение с Россией происходило при посредстве австрийских пароходов, приходивших на Афон чрез каждые две недели и останавливавшихся одну неделю в расположенной вблизи Свято-Пантелеимоновского монастыря пристани Дафне, а другую — с противоположной стороны Афонского полуострова, у Иверского монастыря. В тот раз, когда русские собрались уезжать с Афона, пароход должен был пристать у Ивера, почему русские и отправились к этому монастырю. В числе их был и Святогорец. Все его сопровождали из монастыря с сожалением. Он остановился у одной монастырской цистерны напиться воды, и когда напился, то стал просить окружающих помолиться о том, чтоб Матерь Божия оставила его на Афоне и чтоб ему здесь сложить свои косточки. Так как все любили его, то и сказали ему: «Никто вас не заставляет уезжать, напротив, все рады будем, если вы останетесь».

Русские поехали к Иверу, а меж тем пароход вследствие сильной бури остановился у Дафны. Им пришлось напрасно прождать сутки у иверской пристани при самых неблагоприятных условиях. Ночевали они в какой-то конюшне. Русские отправились в Россию чрез Солунь, а Святогорец уклонялся от них и проехал в монастырь Дохиар, откуда написал духовнику отцу Иерониму, раскаяваясь в своем малодушии. После того, как это письмо было им отослано, он имел дивное видение, предсказавшее ему его кончину. Во время этого видения Господь по ходатайству Царицы Небесной дал ему время на покаяние. Он

скончался 17 декабря 1853 года в полном раскаянии, и так как он молился, чтобы при его кончине был духовник, то Господь услышал его молитву, и, действительно, при его кончине был духовник, на руках которого он и скончался в нашем монастыре.

Началось восстание греков, а с ним очень тревожные времена на Афоне. Приезд на Афон русских после этого совершенно прекратился, а вместе с тем прервались и всякие сношения наши с Россией. В Великом посту на Афоне появилось войско эллинов из Афин, которым монашествующие на Афоне греки обещали будто бы свое содействие*.

В апреле 1854 года на противоположном берегу залива Монте-Санто, у св. Николая, восставшие греки напали на турецкий отряд и окружили его. Предвидя свою неизбежную гибель, сто двадцать турок заперлись в греческой церкви, в полной уверенности, что святыня храма спасет их от истребления; но греки живыми сожгли их вместе с церковью. Эта фанатическая жестокость сильно раздражила турок. В Великую субботу был водружен на Афоне эллинский флаг. Эллинское правительство не действовало открыто заодно с восставшими, но тайно поддерживало их. Вооруженных греков на Афоне во время Пасхи собралось до семисот человек, но они не были организованы и не имели в достатке ни платья, ни оружия. В афонских монастырях они отбирали свинец и олово и лили пули. Появление восстанцев навело страх на всех нас, тем более что на Афон вместе с ними

* В своем повествовании отец Макарий различает эллинов, жителей Греческого королевства, от греков, турецких подданных. И действительно, сами греки признают такое различие, называя эллинами исключительно подданных Греческого королевства.

явились мирские жители с женами и детьми, которые жили в ложбинах ручьев и трущобах более трех месяцев. В монастыри никого из них не впускали. После Пасхи были назначены недельный пост и молебствие об избавлении от бедствий войны, так как приход сюда вооруженных греков привлекал на Афон и турок. Все сношения с Константинополем и Солунью были прерваны; в течение шести месяцев нельзя было послать никуда письма, так как с одной стороны караулили эллины, а с другой — турки. Но с тем вместе на Святой Горе была необыкновенная тишина: все находилось на своих местах и занималось своим делом.

Услышав о прибытии сюда эллинов, турецкое правительство в июле 1854 года прислало в залив Монте-Санто пароход с четырьмя тысячами войска. Долго этот пароход крейсировал по заливу, недоумевая, где бы ему остановиться. Наконец, пристал к Дафне. Командир отряда с офицерами отправились в монастырь Ксиропотам (ближайший от Дафны), где они были встречены торжественно. Услышав о прибытии турок, эллины вышли с Афона на его границу (сухопутную с Македонией) и расположились у деревни Иериссо (пограничной с Афоном). В Ксиропотаме хорошо были осведомлены об этом и потому там уверили турецких офицеров, что эллинов нет на Афоне, что они расположились на его границе и что поэтому опасаться им нечего. Успокоенные этими уверениями, турки уехали обратно в Дафну, чтобы осмотреть место, где бы им удобнее высадить на берег войско, но, едва они вошли в шлюпку, как в них с берега был сделан залп из двенадцати ружей. Возмущенные этим турки пустили в Ксиропотам ядро, которое достигло утвержденной на воротах этого монастыря иконы

сорока мучеников (храмовой) и упало пред ней, а пароход с турецким отрядом отправился к Иериссо. Здесь турки высадились на берег. После стычки с эллинами они снова возвратились на свой пароход.

На Святой Горе стало еще труднее. Все боялись выходить из дому, а эллины собирали по монастырям провиант, конечно, в виде реквизиции. После стычки с турками, которая была неудачна для эллинов, они и восставшие греки рассыпались по Святой Горе. Монастыри заперли свои ворота и стали уже опасаться греков, которые начали пошаливать.

Через несколько времени командир турецкого отряда прислал в административное и судебное учреждение, управляющее этими монастырями, так называемый Протат (из выборных от афонских монастырей), запрос о том, на чьей стороне находятся монастыри, на эллинской или на турецкой. Протат был в большом затруднении относительно избрания людей для поездки к турецкому командиру и доставления ему ответа на этот запрос. Порешили, наконец, послать письменное заявление о том, что афонские монастыри никогда не изменяли турецкому правительству, причем высказали готовность с покорностью явиться к командиру, когда он укажет, но тот потребовал немедленно присылки к нему депутатов из Протата. Опасались прихода турок и жестокой с их стороны расправы. Сильный страх напал на членов Протата. Те из них, на которых по здешнему обычаю была очередь представительства, отказались ехать к турецкому командиру под тем предлогом, что они не знали турецкого языка, но более из страха явиться к нему. Брошен был жребий, какому из монастырей посылать депутатов к турецкому командиру.

Жребий пал на монастыри Ксиропотам и Русский святого Пантелеимона. Из нашего монастыря отправился депутатом к турецкому командиру монах, константинопольский грек, из дворянской фамилии, отлично знавший турецкий язык.

Положение депутата от Русского монастыря было очень затруднительно. Турки заранее объявили, что если они доберутся до Русского монастыря на Афоне, то они не оставят в нем камня на камне, но турецкое правительство не разрешило им входить на Святогорский полуостров. Турецкий командир принял, однако, наших представителей вежливо, но стал упрекать их в том, что, по полученным им сведениям, Святая Гора была согласна принять эллинов для защиты от турок. Как депутаты ни оправдывались, но ничего не могли возразить, когда им были представлены налицо обвинительные документы. После долгих объяснений со стороны депутатов турецкий командир успокоился и начал с ними вежливо беседовать, расспрашивая их, кто из них к какому принадлежит монастырю. Когда наш монах сказал, что он из Русского монастыря, то командир в изумлении отступил от него на несколько шагов и спросил: «Как же вы здесь сидите, когда идет война с русскими?» Наш монах стал объяснять, что монастырь, к которому он принадлежит, не русский, а греческий, управляется греками и только носит название Русского, причем из истории монастыря пояснил, почему ему дано такое название. Турецкий командир был удовлетворен объяснениями нашего монаха и отпустил обоих депутатов с миром.

Через несколько времени после этого представления афонских депутатов турецкому командиру на

Афон приехали французы, а за ними англичане. Им было приказано, чтоб они возможным образом не допускали турок до схватки с греками. После отъезда их и мирские жители, скрывавшиеся в горных тущобах, ушли домой, на Святой Горе стало совершенно спокойно, и возобновились наши сношения с Россией. Хотя война еще длилась, но письма доставлялись в Россию и получались нами из России аккуратно. К этому времени относится история с чудесным пакетом. Уполномоченный нашего монастыря в Одессе г. Новиков, желая поскорее переслать нам письма из России, вручил пакет с этими письмами капитану одного иностранного корабля, согласившемуся доставить этот пакет на Святую Гору, но капитан не сдержал данного им г. Новикову обещания и бросил врученный ему пакет в море. Пакет, однако, не погиб, а доплыл обратно в Одессу, был выброшен волной на берег, найден на берегу и доставлен г. Новикову.

До перемирия на Святой Горе все было спокойно. Смерть императора Николая несказанно поразила всех. Греки питали к покойному императору большое доверие и уважение. Они были уверены, что он непременно победит, особенно после таких манифестов, какие издавались пред войной. Точное известие о кончине императора Николая у нас было получено на Пасху. Везде служились панихиды и было поминовение. Многие со слезами вспоминали почившего императора.

Когда турецкие христиане после войны получили разрешение ехать на Афон, то в первую же Пасху на Святую Гору явилось десять тысяч поклонников, греков и болгар, но преимущественно болгар. В Пантелеимоновском монастыре в ночь на Пасху было семьсот поклонников. Такой прилив поклонников из

Турции продолжался до окончательного заключения мира, из русских же на Афоне никого не было.

В 1856 году, в день Святой Троицы, меня рукоположили во иеромонаха. Рукополагал архиепископ Никодим в соборе святого великомученика и целителя Пантелеимона. После этого игумен и духовник с архиереем отправились на метохи (хутора) Каламарии, а вместо себя управлять монастырем оставили меня в общине русской, а покойного диакона Илариона в общине греческой».

Этим событием из своей жизни, первую ступенью его игуменства, отец Макарий закончил свою автобиографию. Как я ни упрашивал почившего отца игумена продолжать дальнейшее повествование о его жизни и деятельности, но он для этого не мог выбрать свободного времени. Даже в те минуты, когда я записывал за ним приведенное повествование, он одновременно диктовал письма двум писцам-инокам. Это был человек неутомимой деятельности, и нужно было изумляться, как его слабый организм уже на шестьдесят девятом году его строго постнической, подвижнической, воистину аскетической жизни мог выносить столь непосильные труды, тем более что ему «спать было некогда».

«Во время моего пребывания в монастыре св. Пантелеимона, — рассказывает г. Смирнов, секретарь русского посольства в Константинополе*, — я не мог достаточно удивиться бодрости и энергии отца Макария. Участвует он, например, в служении всенощной, длящейся всю ночь, служит затем обедню, после которой председатель за монастырскою трапезой. А по

* «Две недели на Святой Горе» Алексея Смирнова. Статья эта была помещена в «Русском вестнике» 1887 г.

том, глядишь, в полдень, по нестерпимой жаре, бредет чрез двор в сопровождении нескольких монахов.

— Отдохнули ли вы, отец игумен, после ночных трудов? — спросишь его.

— Нет, батюшка, не успел еще отдохнуть. Вот из трапезной на постройку ходили посмотреть, да жарко сегодня очень, утомительно.

И до вечера то там, то сям видно его, постоянно занятого, спокойного, неторопливо отдающего приказа. Даже в фондарики за чаем ему не дают покою; явится монах, поклонится ему в ноги, примет благословение и вполголоса долго говорить ему что-то. Отец Макарий выслушает и одним словом, часто одним движением головы сделает распоряжение. Говорит ли или смеется не в меру кто-либо из монахов в фондарики за столом, игумен только взглянет в его сторону, а монах вдруг смолкнет смущенно и с виноватым выражением глядит вокруг. Немало надобно тонкого ума, такта, кротости и сноровки, чтобы держать в порядке братию, ладить с Протатом и со всеми властями. Нелегко держать игуменский посох».

Опасаясь явиться пристрастным, так как, повторяю, я очень любил почившего отца игумена, решаюсь сказать о нем более существенное чужими словами. «Архимандрит Макарий, — пишет г. Смирнов в указанной выше статье, — невысок ростом, худощав; большая борода и длинные волосы с проседью (в последнее время они были уже совершенно седыми) придают особую мягкость его доброму и выразительному лицу. По случаю болезни глаз он носит дымчатые консервы*, и это мешает разглядеть его

* См. примеч. на с. 31. — Изд.

прекрасные серые глаза. Разговор у него неторопливый, голос негромкий и негустой, порою будто срывающийся. По тому выражению, с которым взгляды монахов останавливаются на этом маленьком старичке, сразу видно, что он тут глава не по одному названию. Я с любопытством вглядывался в приятное лицо игумена, о неутомимой деятельности и административных способностях которого так много слышал.

Архимандрит Макарий занимает две небольшие комнаты с низкими потолками и маленькими окнами. Прежде у игумена была одна комната, так как другую занимал покойный старец Иероним. Деревянные диваны, несколько гнутых стульев, два-три стола и шкаф составляют все убранство игуменской келлии; ни одного мягкого кресла*, и никаких намеков на роскошь и комфорт; по стенам несколько икон и портретов, на окнах простые белые шторы, во всем простота, доведенная до последней степени».

Когда г. Смирнов вошел к почившему отцу Макарию, комната «была полна народом, мирскими и монахами, пришедшими к игумену за различными распоряжениями пред праздником. Увидя такое многолюдное сборище, я хотел было воротиться назад, но отец Макарий уже увидал меня и поднялся из-за письменного стола, за которым сидел. Я извинился и просил его не отрываться от занятий.

— Да, действительно, — сказал мне архимандрит, — накануне праздника (храмового) дела накопилось немало. Вот сами видите.

* В последнее время и едва ли не вследствие этой заметки г. Смирнова в игуменской келлии появились два мягких кресла, обитых, кажется, кожей или клеенкой, похожей на кожу.

Он показал на наполненную народом комнату.

— Уж извините, батюшка, через четверть часа я буду посвободнее. А пока не желаете ли мою дачу посмотреть?

На небольшой балкон, который игумен назвал своею дачей, пришлось проходить чрез соседнюю комнату, которую, как я уже говорил, занимал отец Иероним. Тут помещается теперь спальня отца Макария, отличающаяся такою же, как и его кабинет, если еще не большею, строгостью обстановки. Спит игумен почти на голых досках, имея под головою жесткую кожаную подушку. Маленькая дверь ведет на узкий деревянный балкон, уставленный кадками с цветами, под остальными окнами игуменской келлии, выходящими в другом направлении, — обширная каменная терраса, окруженная чугунною решеткой и заменяющая крышу здания ризницы. С террасы открывается прекрасный вид на монастырь, на море, на горы, с выглядывающею из-за них острою вершиной Афона. С маленького балкона, на котором я очутился теперь, вид гораздо уже: видны берег, часть залива и вдаль горы Македонии, но на балконе была такая прохладная тень, в то время как полуденное солнце немилосердно накалило стены, крыши и каменный пол террасы, открывающийся пред нами уголок вида так ярко и красиво освещен, что я охотно присел отдохнуть на игуменской «даче»...»

Эта «дача»-балкон вся в цветах, она висит над цветами; внизу ее по скату холма расположен садик с богатым и весьма разнообразным цветником, за которым ухаживает один из иноков, любителей цветоводства. Далее за этим садиком постепенно спускаются к морю еще молодые померанцевые и лимонные

сады. Когда весной зацветут они, сады эти, просто дыхание захватывает от их аромата, рассказывал мне один из иноков. Последний сад, нижний, отгорожен от моря высокою каменною стеной и поддерживается ею от падения. Он точно висит над морем. Горы Македонии виднеются далеко-далеко, до вечно белеющей снегом вершины Олимпа. В ясную, тихую погоду Олимп виден даже просто невооруженным глазом. Вот за ним-то, за этим жилищем мифологических богов, заходит солнце. Трудно оторваться от чудной картины заката, отраженного гладкою поверхностью залива. Солнце медленно, тихо опускается к Олимпу все ниже и ниже. Вот оно уже коснулось его белоснежной вершины своим огненным, пламенным шаром... Трепещет над ним, отражаясь пурпурными лучами в гладкой поверхности залива, замирает и никнет мгновенно, исчезая в горах.

Отец Макарий любил наслаждаться этою картиной заката, в глубокой задумчивости повторяя поэтическое песнопение: «Свете тихий святых славы... Пришедше на запад солнца, видевши свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога...»

Но это были редкие минуты, когда отец Макарий находил возможным отдыхать душой в природе, хотя и любил ее поэтическою любовью, потому что все свои силы и все свое время он употреблял на исполнение иноческого долга и обязанности игуменской, День его начинался в глубокую полночь, когда братия несколькими ударами в колокол возбуждалась на келейное правило, которое требовалось исполнить до начала полунощницы и которое для схимонаха, каким был отец Макарий, заключается в тысяче двухстах поясных и ста земных поклонах. Зимой сейчас

после полуночи, а летом ранее ее звонят к заутрене. Вместе с утренею для отца Макария, как первого в монастыре духовника, начиналась очень бодрственная, деятельная, сосредоточенная жизнь. Двери небольшого параклиса в Покровском соборе*, за которые один за другим без отдыха для духовника входили желавшие исповедоваться, осаждались такою плотною толпой монахов и поклонников, что пот катился по их лицам. По два, по три часа дожидались очереди, лишь бы только проникнуть за эти заветные двери и «у самого батюшки исповедаться». Трудно, пожалуй, этому поверить, но это факт, что отец Макарий особенно поклонников иногда по часу и более времени исповедовал, зато и исповедь эта была такою, какую у латынчан называют «генеральною». Отец Макарий не допрашивал о грехах, особенно по требнику, как это делают некоторые неопытные или небрежные духовники, а исповедующийся сам во всем сознавался вследствие одного намека прозорливого старца, глядевшего таким ласковым, всепрощающим, но в то же время глубоким взором, что тот невольно чувствовал пред собою присутствие Всеведущего и Всемилосердного, но и Карающего, а потому содрогался душой и падал ниц в трепетном сознании своей греховности. Некоторые поклонники приезжали на Афон нарочно для того только, чтобы исповедаться у отца Макария.

После утрени отец Макарий немедленно шел в один из параклисов совершать свою игуменскую, так называемую, раннюю литургию, которая оканчивалась почти всегда одновременно с позднею, начинаю-

* См. примеч. на с. 35. — Изд.

щеюся полутора часами позже. Игуменской литургии предшествовала панихида о ком-либо из новопреставившихся благодетелей обители или иноков. После панихиды начиналась проскомидия с продолжительными поминаниями просивших отца Макария молиться о них. Несколько иноков из толстых переплетенных книжек читали имена поминаемых, в то время как игумен вынимал частицы об их здравии или упокоении. Во время проскомидии читались часы медленно, внятно, большею частью кем-нибудь из интеллигентных новичков-послушников*.

Литургия осложнялась особыми афонскими прошениями о России на сугубой эктении, «о еже утвердити в земли нашей мир и благочестие», о том, «чтобы Господь разрушил совет дерзновенно восстающих на попрание власти, Господом установленной», чтобы Вседержитель «исполнил долготою дней Благочестивейшаго Государя Императора нашего Александра Александровича, да совершить вся во славу Господню и во благо народа своего»; затем тоже продолжительными поминаниями на эктениях целых сотен имен жертвователей в монастырь, отсутствующих и больных иноков, а также присутствующих во храме богомольцев. Почти такое же, только сокращенное, поминовение происходило и во время Великого входа со Святыми Дарами. После литургии непременно служилось молебствие иногда девяти, даже двенадцати святым одновременно, и отец игумен сам своим слабым голосом пел такое молебствие.

* Во время моего пребывания на Афоне часы на игуменской литургии почти ежедневно читались или маркизом де Гр-о, или одним отставным обер-офицером из евреев.

Оканчивалась литургия, но для игумена не было отдыха. В коридорчике у дверей его келлии уже дожидались многочисленные просители из келлиотов, пустынножителей, сиромах* и мирских, преимущественно греков и подобных им восточных человек. Лишь только игумен входил в свою келлию, как эта толпа буквально врывается за ним в дверь, так что приходилось запираť эту дверь на замок, чтобы дать отцу Макарию возможность выпить хоть чашку чаю и за ней отдохнуть две, три минуты. Когда отец Макарий и приглашенные им гости усаживались (а гостям этим во избежание натиска от греков-просителей приходилось иногда проходить чрез келейную комнату), как сейчас же подавалось неизбежное глико**, причем отец игумен выпивал рюмку фруктового домашнего рому, закусывал вареньем и принимался за большую чашку густого московского чаю, причем в скоромные, то есть рыбные, дни допускал роскошь — кушал чай с известными филипповскими сухарями. Но лишь только одна чашка чая была выпита, как сейчас же растворялась дверь и являлись просители-греки. У кого из них келлия требовала починки, у кого калиба разваливалась, кто просил платья, кто обуви, кто сколько-нибудь денег. Игумен терпеливо выслушивал каждого, направлялся к своему письменному столу, отпирал его ящик и раздавал: кому золотую лирку, кому серебряный меджид или половину меджиды***. На платье и обувь выдавались особые билетки, с которыми получившие их отправлялись в монастырский склад, из которого выдавались требуемые вещи. На склад этот работали

* См. примеч. на с. 37. — Изд.

** См. примеч. там же. — Изд.

*** См. примеч. на с. 38. — Изд.

обширные мастерские, устроенные отцом Макарием. Однажды только мне пришлось выслушать отказ отца игумена в выдаче подрясника какому-то сиромахе, а именно когда потонуло монастырское судно с несколькими тысячами подрясников.

— Нет подрясников, — проговорил отец игумен, — потонули подрясники. Знать, мы плохо молились.

В числе просителей о денежном пособии являлись нередко и русские богомольцы, израсходовавшие в пути, чаще всего потому, что в Иерусалиме, благодаря образцовой неисправности турецкой почты, по целым месяцам напрасно поджидали присылки денег из дому. Отец Макарий никогда не отказывал таким просителям, и даже не домохозяевам, а простым малороссийским батракам выдавал в долг (как они просили об этом) по двадцати пяти и более рублей. Почти не было случая, чтобы эти деньги не возвращались богомольцами, чаще же всего они отсылались обратно с излишком на поминовение или свечи. Многие из богомольцев испрашивали у отца Макария в долг ценные иконы. Греки же, конечно, получали пособие безвозвратно.

Не успев еще выслушать всех просителей, отец Макарий шел вместе с прочею братией в столовую участвовать в братской трапезе, после которой возобновлялись беседы с просителями, а в почтовые дни начиналась письменная работа, захватывавшая все время отца игумена до десяти часов вечера, за исключением, конечно, времени, необходимого для вечерни и повечерия, на которых отец Макарий почти всегда лично присутствовал и лично же читал акафисты. Это чтение акафистов в праздничные дни было особенно торжественно.

Акафисты тогда читались большею частью в русском Покровском соборе, где при всех службах присутствуют монахи лишь русские и славяне, румыны, грузины, а также многочисленные поклонники, пустынножители, сиромахи и рабочие из тех же национальностей, но не греки. Греки присутствуют при богослужении в Пантелеимоновском соборе, где оно происходит частью на греческом и частью на славянском языке. Отец Макарий читал акафисты в сослужении нескольких иеромонахов и иеродиаконов. Когда он уставал читать, его сменяли по очереди служившие с ним иеромонахи, читавшие тоже с глубоким благоговением, громко и внятно для всех. Пели два хора певчих-иноков, которые во время более торжественных песнопений соединялись в один хор.

По окончании акафиста отец Макарий поднимал с престола икону, большею частью чудотворный образ Иерусалимской Божией Матери, выносил его из Царских врат, останавливался на солее и оттуда с благоговением осенял им присутствовавших во храме. Затем оставлял образ на налое среди церкви и своими земными поклонами пред ним начинал общее ему поклонение.

Еще торжественнее было служение отцом Макарием всенощных бдений, соборных литургий и молебствий в сонме многочисленных иеромонахов и иеродиаконов, но я пишу лишь краткое сказание о жизни почившего отца игумена и потому вынужден быть немногоречивым. Обращаюсь затем к очерку его деятельности и предварительно считаю необходимым хотя в самом сжатом изложении уяснить те условия, при коих приходилось жить и действовать отцу Макарию, а вместе с тем и всей общине русских Афонского

Пантелеимоновского монастыря, отличительной чертой которых, впрочем, была строгая дисциплина и безусловное подчинение воле своего игумена, отца, наставника и руководителя. Такое нравственное единение старшего с младшими, начальника с подчиненными возможно лишь при его несомненно высоких достоинствах, невольно возбуждающих к нему чувства глубокого уважения и сердечной, искренней любви.

III

Когда отец Макарий поселился в Русском Свято-Пантелеимоновском монастыре на Афоне, монастырь этот находился в столь бедственном положении, что у него оспаривали не только издревле принадлежавшие ему земли*, но даже наименование его Русским, хотя такое наименование подтверждалось многочисленными хрисовулами императоров греческих, грамотами царей сербских и русских, вакуфнаме (документами, подтверждающими право владения землей) и фирманами султанов турецких. Положение русских иноков в их же древнем монастыре было бесправное. Захватившие этот монастырь греческие монахи считали русских пришельцами, полуварварами, которым дозволялось жить вместе с ними лишь из милости, под условием, чтоб они работали на своих самозванных хозяев; вносили в бесконтрольное их распоряжение при своем поступлении в монастырь лично принадлежащие им деньги, собирали пожертвования, но не требовали отчета в их израсходовании и во всем

* Красковский не совсем точен, поскольку события, происходившие до поселения в монастыре о. Иеронима (1840), относятся к 1851 г.

подчинялись грекам, за которыми исключительно оставалось право занимать разные монастырские должности; русские же из своей среды могли избирать одного лишь духовника «ради языка и духовных нужд». Такое угнетенное положение русских иноков в их же, русском, монастыре совершенно противоречило всему его историческому прошлому и было нарушением привилегий, данных русским на Афоне греческими императорами и турецкими султанами.

С самого появления русских на Афоне, которое относят ко времени святого равноапостольного князя Владимира, русские пользовались самостоятельностью. Они имели свой монастырь с церковью Успения Пресвятой Богородицы, который называли русским монастырем Богородицы Ксилургу (т. е. Древодела, вследствие того, что русские занимались древоделанием, то есть разработкой леса). Из оставшейся от 1143 года описи имущества этого монастыря видно, что монастырь этот имел полный круг богослужбных книг русских, и хотя упомянутая опись была официальным документом, однако в ней не упоминается ни одной богослужбной греческой книги, следовательно, русские иноки совершали богослужение исключительно на своем родном русском или славянском языке, так как славянский язык в то отдаленное от нас время почти не отличался от русского. В своем монастыре русские соблюдали общежительный устав и пользовались правами самоуправления.

С такими же правами самоуправления и с тем же общежительным уставом русские, когда братия умножилась в их монастыре, перешли в 1169 году в более обширную обитель святого Пантелеимона, известную тогда под названием обители Фессалоникийца

или Солунца. «Священное собрание Святой Горы» отдало эту обитель русским в их «постоянное и неотчуждаемое владение». Такого права владения никто не оспаривал у русских иноков даже в те тяжелые для них времена, когда они в продолжение монгольского ига и в смутное время оставались безо всякой поддержки со стороны России. Тем более это право не могло быть оспариваемо, когда Россия благоденствовала, а с нею благоденствовала и Русская Свято-Пантелеимоновская обитель на Афоне. Но вот после Петра I в России усилилось иностранное влияние, наступила бироновщина, во времена которой, точно в период монгольского ига, прекратилась связь русских афонских иноков с их далеким отечеством, почему Свято-Пантелеимоновский монастырь постепенно стал приходить в упадок. Наконец, во время русско-турецкой войны 1734—1739 годов, когда русским монахам нельзя было приходить на Афон из России, Русским монастырем завладели греки и сейчас же стали стремиться к совершенному его уничтожению. Прежде всего они отменили в Свято-Пантелеимоновском монастыре общежитие, начали закладывать принадлежавшие ему земли другим афонским греческим монастырям, перестали ремонтировать монастырские здания, а когда Русский монастырь стал разрушаться, совершенно покинули его и перешли в небольшой монастырек Воскресения, выстроенный на земле Русского монастыря, у его пристани*, на том месте, где теперь возвышаются здания нынешней Пантелеимоновской обители, получившей название Нового Руссика. Оставленной же греками и обречен-

* Имеется в виду прибрежная келлия в монастырских владениях. — Изд.

ною ими на разрушение древнюю Русскую обителью, которая в настоящее время называется Старым или нагорным Руссиком, завладел один святогорский чебан (пастух), находя, что прилегающая к этому монастырю плодородная равнина и окружающие его каштановые леса составляют весьма удобное пастбище для его трехтысячного стада козлов.

В начале текущего столетия афонский Протат, преследуя греческие национальные интересы, — тогда уже начиналось эллинское возрождение, — а быть может, также из своекорыстных видов, порешил исключить Русскую обитель святого Пантелеимона из числа афонских монастырей. С этою целью Протат вошел к Константинопольскому патриарху с представлением о том, чтоб ему было разрешено принадлежавшие Русскому монастырю земли продать другим греческим афонским монастырям и за уплатой остающихся на этом монастыре долгов остальную сумму обратить на общественные нужды афонских монастырей, то есть на нужды Протата. Но тогдашний патриарх Каллиник взглянул на дело иначе. Он признал, что причиной упадка Свято-Пантелеимоновской обители было уничтожение в ней общежития, выразил в синодальном собрании мнение, что «неприлично и неполитично было бы упразднить Русскую афонскую обитель в такое время, когда Россия своими последними войнами с Турцией приобрела столь решительное влияние на судьбу восточных христиан», а потому отверг представление Протата об исключении Свято-Пантелеимоновского монастыря из числа прочих афонских монастырей и в 1803 году предписал ему немедленно приискать опытного духовной жизни старца, которому бы можно было поручить восста-

новление общежития в Русском монастыре и самого монастыря.

Как ни тяжело было Протату исполнение этой непрременной воли святейшего патриарха, но не было никаких уважительных причин, по коим можно было бы отклонить его решение. Протат действительно приискал старца 85 лет, иеромонаха Савву, который никогда и не думал о том, что на него может быть возложено столь серьезное и ответственное поручение, как восстановление Русской обители, его же соплеменниками обреченной на уничтожение. Чувствуя уже слабость сил, престарелый отец Савва, отличаясь высоким благочестием и святостью жизни, доживал свой век в Ксенофском скиту и потому три раза настоятельно отказывался от возлагаемого на него поручения, наконец, в четвертый только раз, выслушав предписание святейшего патриарха, грозившего ему уже судом Божиим за его послушание, он повиновался его святительской воле. Святейший патриарх обещал ему даже денежную помощь на восстановление Русской киновии. Через несколько времени отец Савва был вызван патриархом в Константинополь, получив от него разрешение на сбор пожертвований, затем приобрел усердного ктитора восстанавливаемой им обители в великом драгомане Порты* князе Скарлате Каллимахе, которого он после молебствия святому великомученику и целителю Пантелеимону исцелил от неизлечимой болезни. На собранные пожертвования и щедрое денежное пособие князя Каллимаха старец приступил к постройке монастырских зданий и сооружению соборного храма во имя

* *Главный переводчик, в XVIII — начале XIX в. фактически министр иностранных дел Османской империи. — Изд.*

святого Пантелеимона на том месте, где теперь Русский Пантелеимоновский монастырь. Так как денежных средств для воссоздания Пантелеимоновской обители все-таки было недостаточно, то с этой целью был продан принадлежавший этой обители молдавский монастырь Домна, за который было выручено двести тысяч пиастров. В 1814 году в Пантелеимоновском монастыре был уже, хотя и вчерне, соборный храм, келлии и прочие здания, необходимые для тогдашнего немногочисленного братства, но отцу Савве не суждено было окончить столь успешно начатое им дело. Он умер на сто третьем году жизни в 1821 году; в том же году и князь Каллимах, состоявший по назначению Порты владетельным князем Валахии, был заподозрен турецким правительством в измене и казнен. Свято-Пантелеимоновский монастырь после этого остался безо всякой поддержки, а иноки его до того бедствовали, что вынуждены были печь для себя хлеб из перемолотых бобов.

Меж тем началось греческое восстание, и весь Афонский полуостров был занят турецкими войсками. Русский монастырь был расхищен, а утвержденный впоследствии игуменом этого монастыря болгарин иеромонах Герасим, которого отец Савва еще при жизни своей избрал своим заместителем, захватив с собой более драгоценные вещи и документы обители, ушел в Морею, где и скитался девять лет, до восстановления мира в 1830 году. Возвратившись затем с несколькими своими иноками в разоренный и полуразрушенный Пантелеимоновский монастырь, иеромонах Герасим, формально избранный на игуменство и утвержденный в этой должности Константинопольским патриархом в 1832—1833 году, решил при-

гласить к себе в сожительство русских иноков, которые, по заключении мира с Турцией, стали стекаться на Афон. Хотя игумен отец Герасим, по происхождению славянин, благосклонно относился к своим единоплеменникам русским, хотя старец Венедикт, грек, вследствие особого чудесного видения настоятельно советовал пригласить их и даже объявил, что не умрет до тех пор, пока не увидит русских в Свято-Пантелеимоновском монастыре*, однако большинство греческих монахов этого монастыря, как это они вскоре доказали, согласились, чтобы русские иноки поселились с ними, лишь вследствие крайней необходимости в их денежной поддержке. Они до того задолжали, что Протат вынужден был объявить всему святогорскому населению: если кто поверит Руссику заимообразно двадцать пять афонских левов или турецких пиастров (около двух рублей по нынешнему курсу) и потом не получит с него этого долга, то он, Протат, отказывается принимать на то жалобы «по совершенной бедности и несостоятельности этого монастыря».

В 1835 году на Афон прибыл русский иеромонах отец Аникита (князь Ширинский-Шихматов) и по просьбе греческих монахов поселился во Свято-Пантелеимоновском монастыре. Его приняли с подобающею честью, но отец Аникита, как передавал мне о нем почивший отец Макарий, желал жить только в Боге и для Бога. С ним прибыло 5—7 русских иноков, для которых, ввиду возможного увеличения числа их, отец Аникита заложил в монастыре особый

* Отец Венедикт действительно умер уже в то время, когда в Пантелеимоновском монастыре были русские, а именно в 1840 г.

храм в честь русского чудотворца святителя Митрофана Воронежского. Греческие монахи были очень довольны тем, что с прибытием русского князя в занимаемый ими бедный и стесненный долгами монастырь все заговорили о нем. Желая при этом восстановить свой кредит значительным пожертвованием со стороны именитого инока отца Аникиты, они показали ему все монастырские документы, удостоверяющие в том, что монастырь святого Пантелеимона издревле русский. Отец Аникита рассказал об этом прибывшим с ним русским инокам, которые очень обрадовались такому неожиданному для них открытию, что обитель, в какую они были приглашены, по-видимому, лишь из внимания к «русскому князю», составляет древнее русское достояние. Двое из этих иноков-«простецов» отправились в афонский городок Карею и рассказали там одному келлиоту из малороссов, что «теперь монастырь уже в наших руках, так как греки передали отцу Аниките все документы, доказывающие, что этот монастырь издревле был русским и потому теперь по праву принадлежит нам».

Это детское хвастовство простых людей сделалось известным иверским монахам, которым пантелеимоновцы были должны значительную сумму, а чрез них и Протату. Явилось опасение, что отец Аникита действительно может отнять у греков захваченную ими Русскую обитель и что, оставаясь в ней, будет иметь сильное влияние на ход святогорских дел, а следовательно, на распоряжения Протата. Вследствие этого Протат и греческие монахи афонских монастырей заставили своих соплеменников в Пантелеимоновском монастыре удалить из него отца Аникиту, а с ним и

русских иноков*. Чуждый всяких мирских притязаний, отец Аникита взял с места заложенного им храма икону святителя Митрофана и удалился в малороссийский Ильинский скит, откуда вскоре был вызван русским правительством в Афины для занятия там должности настоятеля посольской церкви. Он скончался в Афинах в 1837 году.

После удаления отца Аникиты греческие монахи Свято-Пантелеимоновского монастыря опять стали бедствовать, продавали и закладывали монастырское имущество, делая новые и тяжкие долги, по которым не имели возможности платить процентов, к тому же другие греческие монастыри отняли у них земли. Тогда они пожалели, что удалили от себя русских, и снова решились пригласить их. В это время в Ильинском малороссийском скиту происходили раздоры, воспользовавшись которыми, греческие монахи пригласили из этого скита в Пантелеимоновский монастырь русского старца и духовника иеросхимонаха Павла, пожертвовавшего им значительную по тому

** Схимонах Парфений (Аггеев) описывает эти события так: «князь... не узнавши, кто какого свойства и разума, набрал много неблагонадежных... Русские греков уважать и слушаться не стали, но стали противоречить, еще к тому же и страшать, что “монастырь наш, русский, а начальник у нас князь; мы вас выгоним”. Отчего греки, все братия, смутились, и начались повседневные скорби и искушения. И стала их высокая общежительная жизнь расстраиваться. И стали говорить игумену и старцу Венедикту, что “мы с русскими жить не можем, и богатства их не хотим; лучше сухари с водою будем есть, да одни; русские расстроили всю нашу жизнь”». [Парфений (Аггеев), схимонах]. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской инока Парфения. М., 1856. Ч. 2. С. 219—220. — Изд.*

времени сумму в семьдесят тысяч пиастров. Около отца Павла собрался кружок русских в одиннадцать человек, но отец Павел вскоре умер, и вместо него в Пантелеимоновский монастырь был приглашен проживавший в пустынной келлии близ Ставроникитского монастыря русский монах Иоанникий, который чрез несколько времени принял великую схиму с именем Иероним и, будучи рукоположен в священный сан, сделался духовником русских иноков.

Отец Иероним, несмотря на усиленные просьбы греческих монахов, долго не соглашался переселиться в Свято-Пантелеимоновский монастырь и только тогда решился оставить свою уединенную пустынную келлию, когда его духовник, иеросхимонах отец Арсений, прославившийся на Афоне своею подвижническою жизнью, имел в молитве откровение о нем, после чего уже настоятельно сказал ему: «Иди в Пантелеимоновскую обитель, там имеет нечто быти».

Это нечто действительно совершилось. С того времени, как отец Иероним переселился в Пантелеимоновский монастырь, говоря словами проповеди настоятеля Переяславского Макарьевского монастыря Полтавской губернии, в настоящее время проживающего на Афоне в пустынной келлии, игумена отца Парфения, над гробом этого великого старца, пятьдесят лет подвизавшегося на Афоне, а сорок пять лет бывшего старшим духовником и руководителем русской общины в Свято-Пантелеимоновском монастыре, «началась его борьба за самостоятельное обеспечение свое с братией в чужой стороне». Слава о высокоподвижнической жизни отца Иеронима и его духовная опытность стали привлекать в Пантелеимоновский монастырь русских иноков. В 1841 году отцу

Иерониму с братией Высочайше разрешен был в России сбор пожертвований, результатом коего явилось сооружение заложеного отцом Аникитой храма во имя святителя Митрофана, освященного в 1846 году, ремонт старых и перестройка новых монастырских зданий.

При содействии русских монастырь стал постепенно выходить из своего бедственного состояния, но зато зависимое, угнетенное положение в нем русских иноков нисколько не улучшалось. «Борьбу за свое самостоятельное обеспечение» они вели лишь своими смиренными физическими трудами и подвигами иноческой жизни. Они крепко соединились около своего духовника отца Иеронима в одну дружную семью и до того полюбили его, что величали его просто «батюшкой». Но силы их были еще слабы, прилив новых русских иноков на Афон был затруднен*, к тому же некоторые из пришедших в монастырь вместе с отцом Иеронимом иноков, вследствие слишком зависимого положения от греков, уехали с Афона и основали свои обители в России: так, отец Парфений впоследствии основал недалеко от Москвы известный Гуслицкий монастырь, отец Варнава устроил скит близ Киева.

В это-то время на Афон прибыл отец Макарий с двадцатью семью товарищами, из коих в Пантелеи-

* Русский посланник в Константинополе по повелению русского правительства просил Константинопольского патриарха положить ограничение относительно поступления на Афон русских монахов и сделать внушение Протату, чтоб они не принимались без строгого исследования и без представления требуемых видов. Такое внушение Протату было сделано патриархом Анфимом грамотой 3 ноября 1851 г. и патриархом Григорием другою грамотой, от 22 апреля 1868 г.

моновском монастыре осталось девятнадцать. Такою дружиной сразу усилилась русская община. Как было уже упомянуто в автобиографии отца Макария, отец Иероним, хорошо сознававший тяжелое положение русских, не скрывал от него, что жить ему в Пантелеимоновском монастыре будет трудно, так как монастырь бедный и в нем два элемента, греческий и русский, причем всем управляют греки, но отец Макарий не смутился таким благоразумным предостережением: он был тогда еще молодым человеком, в расцвете юношеских сил; при его значительном богатстве бедность монастыря не могла устрашать его, его «сердце уже давно дало обет Богу», и «Бог судил» так, что он, даже не надевая монашеской рясы, сразу принял посвящение в великую схиму, во время которого посвящаемый дает обет никогда, до самой смерти своей, не оставлять монастыря. И отец Макарий решился свято исполнить этот обет, вследствие чего самая искренняя, душевная дружба навсегда соединила его с отцом Иеронимом, и он всю душу присоединился к его «борьбе за самостоятельное обеспечение свое с братией в чужой стороне».

Неизбежное для всякого вновь поступившего в монастырь сожаление об оставленном им мире и, как последствие этого сожаления, нравственная пытка, «искушения» для отца Макария окончились тяжелою болезнью, а когда Господь воздвиг его от смертного одра, он «точно на крыльях летал». Выздоровление молодого схимника совпало с воскресением природы, этою чудною афонскою весной, когда после сырой, дождливой, туманной зимы засияет яркое южное солнце, расцветут померанцевые, лимонные, черешневые, грушевые, абрикосовые, гранатные, сливовые

сады, зазеленеют виноградники... Тогда лавровые роши, обвитые цветущими лианами, дышат ароматом, вековые масличные деревья своими маленькими медоносными цветками привлекают мириады пчел и насекомых, а необозримые каштановые леса «точно молоком обливаются», сплошь усыпанные цветами; на ковровидных полянках, по скатам гор, на кустах и меж кустами, в расщелинах скал, даже на самых скалах, поросших древним мхом, всюду пестреют бесчисленные цветы, среди которых стройный крин стыдливо раскрывает свои ярко-белые чашечки, наполняя воздух чудесным благоуханием. *И Соломон во всей славе своей не одевался, как всякий из них*, — невольно вспоминаются тогда афонскому иноку слова Спасителя. — *Если же полевую траву, которая сегодня растет, а завтра брошена будет в печь, Бог так одевает, то кольми паче вас, маловеры? Не заботьтесь же, говоря: что нам есть, или что пить, или во что одеться? Ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6: 29, 30—31, 33).

Но как же искать Царствия Божия, чтоб «и вся сия приложились нам»?

Человек за грех осужден в поте лица снискивать хлеб свой, отвечают на этот вопрос русские афонские старцы, а земля, оскверненная его грехом, «будет производить для него терния и волчцы» — так он должен бороться с ними, последствием греха, уничтожать их, разрабатывать дикие заросли в сады, заброшенные камнями поляны превращать в плодородные поля. Не заботься о пище и об одежде, ограничивайся самым необходимым, насущным, но непрестанно молись и трудись в поте лица, чтоб отбежало от тебя

всякое искушение, и ты ежеминутно будешь искать Царствия Божия. Тогда все приложится тебе.

Так думал отец Макарий. «С какою грустью видел я, — рассказывал он мне, — обширные монастырские земли совершенно заброшенные, не возделанные. Когда в 1853 году я в первый раз приехал в Крумицу, я просто в восторг пришел от того прекрасного вида, какой открылся предо мною. Мы были почти на том месте, где теперь монастырь* и виноградники, у самого перешейка, соединяющего Афонский полуостров с Македонией. Пред нами, по обеим сторонам перешейка, расстилались два залива, Святогорский и Иериссовский, за перешейком виднелись горы Македонии, а еще дальше, влево, высокие горы Олимпийские. Такое благодатное место, подумал я тогда, а меж тем мы едва могли пробраться сквозь невообразимую чащу разного колючего кустарника. Просто стыдно было видеть такое позорное запустение на месте святе». А теперь Крумица красуется великолепным храмом, сооруженным на личные средства отца Макария, и та земля, по которой разрасталась непролазная чаща, ежегодно дает восемнадцать тысяч ведер отличного вина и едва ли не столько же оливкового масла из обширных не садов, а рощ оливковых. Более ста молодых, сильных иноков ежедневно работают там кирками и ножами для обрезки виноградных лоз.

Тяжело было глядеть отцу Макарию на развалины Старого Руссика и заброшенный скит Богородицы Ксилургу, эти древние обители русских иноков на Афоне — и обители эти возникли из запустения в

* Имеются в виду постройки метоха Крумица. — Изд.

более великолепном виде, чем они были в древности. Море тут же, под руками, а припасы для монастыря приходилось доставлять на чужих судах — явилась целая монастырская флотилия, даже с небольшим пароходом. Поклонники не имели пристанища в Константинополе и в Одессе, так же подолгу сидели, как в свое время отец Макарий, — явились подворья в этих городах, на которых о поклонниках заботятся, как о родных, и даже трудную волокиту с паспортами по их прописке, визировке и т. п. иноки принимают на себя, отвозят поклонников на пароходы и привозят с них. Пустынники и сиромахи, теснимые греками с принадлежащих им на Афоне земель, не имели где голову приклонить, и отец Макарий устроил для них скит Новую Фиваиду и т. д. Но я боюсь слишком забежать вперед.

Все, что сделано отцом Макарием, возникло в его душе еще в то время, когда он был молодым схимником, в душевных беседах его с его духовником, «батюшкой», отцом Иеронимом. На Афоне схимники не скрываются во глубине монастырских келлий, не уклоняются от «мирского» глаза, потому что весь Афон — особый иноческий мир, чуждый «мирских» соблазнов, на священную землю которого не может ступить нога женщины. Они отличаются от простых иноков только большею святостью и трудностью принятых ими на себя обетов, а, следовательно, и более усиленную деятельность. Не имея возможности без нарушения своего великого обета до самой своей смерти оставлять свой монастырь, они привыкают к мысли, что монастырь этот для них родительский дом, гнездо родное, о чести, славе и благоденствии коего они неусыпно должны заботиться.

Такого мнения о своем схимничестве был и отец Макарий, с тою лишь разницей от обыкновенных иноков-домоседов, которых взор не простирается дальше монастырских стен, что для него монастырь был обширным домом, вмещающим в себя все принадлежащие к нему земли*, всех иноков, рассеянных по этим землям для разнообразных послушаний и живущих в монастыре, со всеми их нуждами, все, что соприкасалось с интересами его собственного монастыря, наконец, все русское иночество на Афоне, а вместе с ним и та далекая, навеки покинутая им страна, откуда приходит это иночество, и которая была и теперь, несмотря на его схимничество, осталась его дорогою, незабвенною, святою родиной.

Чрезвычайно обширный дом, в котором дела хватит на всю жизнь, на несколько жизней, думал моло-

* Земли Афонского Пантелеимоновского монастыря на Святогорском полуострове простираются от границы его с Ксиропотамом до Ксенофского скита и от Новой Фиваиды до перешейка, соединяющего этот полуостров с Македонией, в длину верст на пятнадцать и в ширину верст на восемь, если не более. Кроме того, монастырю этому принадлежат метохи, или хутора: Каламарийский — обширное имение на берегу Солунского залива, с двумя церквями во имя святителя Николая. В этом имении, на необозримой пустынной равнине, летом колеблются волны золотистой пшеницы, для посева и уборки которой на Каламарии живут несколько монахов; Кассандрийский, на полуострове Кассандра, параллельном Святогорскому полуострову. Здесь тоже производится посев пшеницы, для чего живут несколько монахов. Церковь здесь во имя святого Пантелеимона; и обширный сенокос на полуострове Сикья, соседнем с Афоном. В древности Свято-Пантелеимоновский монастырь имел много жалованных земель в Сербии, Молдавии и других местах, а в 1840 г. греческий Ксенофский монастырь отнял у него по решению Протата значительные земельные участки и даже скит; Ксиропотам тоже оттягал часть Пантелеимоновской земли.

дой схимник и потому порешил, что ему «спать некогда», что нужно спешить с делом, чтобы побольше сделать в этой столь кратковременной человеческой жизни.

Но как же это дело делать, когда руки были связаны, когда даже своими личными деньгами для пользы монастыря русскому нельзя было распорядиться без соизволения греков, когда нужно было подчиняться не только воле настоятеля — все же достойного, уважаемого старца, хотя слабого и потому легко поддававшегося греческими внушениям, — но и всякому монастырскому старцу совершенно иной национальности, людям, чуждым русским воззрениям и интересам, не только иного склада понятий, но и весьма различного бытового строя, для которых дорог восточный покой, умозрение, но не трудовая, деятельная, колонизаторская жизнь, представляющаяся им, по их своеобразной логике, признаком беспокойного характера, каких-то затаенных, коварных стремлений, направленных, конечно, к тому, чтобы свергнуть их господство и захватить унаследованное ими их историческое достояние. Христианство вообще, а тем более монашество, требует искренней любви и равноправности между братьями, как необходимого условия ко спасению, по завещанию апостола, *друг друга тяготы носите* (Гал. 6: 2), но что же было делать, если греки так понимали этот апостольский завет относительно русских, что русские — пришлецы в их земли — должны носить их тяготы, а они за то будут вести их ко спасению, потому что русские полуварвары и пути-то настоящего ко спасению не знают.

Молодому схимонаху пришлось смириться подвижническим смирением: и рыбу на кухне чистить,

и лук в вязанки вязать, и кирпичи в «самарах на постройку таскать». Все с Божиею помощью прошло через его руки. К тому же началась Крымская война, прервавшая всякую связь русских иноков с их отечеством.

Но вот наступил желанный мир, и русские снова стали прибывать в Пантелеимоновский монастырь. Тогда же по желанию русских отец Макарий был поставлен во главе уже довольно многочисленной русской общины* и стал управлять ею под руководством духовника отца Иеронима**.

В числе других русских в Пантелеимоновский монастырь прибыл и принял монашество с несколькими своими спутниками отец Павел, нынешний строитель монастыря, как титуловал его отец Макарий, заведующий всем монастырским хозяйством, человек крепкого сложения, энергичный, самоотверженный, к тому же знаток хозяйства во всех его отраслях, который был деятельным сотрудником почившего отца игумена. Затем стали выдвигаться: отец Нафанаил, теперешний представитель русских на Афоне, член святогорского Протата, человек весьма способный, быстро изучивший в совершенстве не только греческий язык, но и всю греческую афонскую премудрость; избранный в настоящее время игуменом

* Русских тогда в Пантелеимоновском монастыре было доста человек.

** *Послушание, данное о. Макарию, более точно характеризует А. А. Дмитриевский: «...в том же 1856 г. по случаю значительного увеличения в монастыре русского братства он был избран в помощь духовнику старцу иеросхимонаху Иерониму». ОР РНБ. Ф. 253, оп. 1, ед. хр. 207, л. 25об. — Изд.*

Свято-Пантелеимоновского монастыря отец Андрей, старец жизни высоко аскетической, бывший долгое время духовником и помощником отца Макария в духовном руководстве его многочисленную иноческую паству; духовники: отец Рафаил, из дворян, человек весьма способный, к тому же образованный, красноречивый; Агафодор, еще сравнительно молодой, но очень способный москвич, энергичский, посвятивший себя на служение родному делу (оба вполне изучившие греческий язык), и много других способных иноков, с молодых лет обрекших себя подвижнической, самоотверженной жизни, бывших усердными сотрудниками отца Макария и точными исполнителями его указаний.

С такими силами можно было уже решительнее выступить на «борьбу за самостоятельное обеспечение свое с братией в чужой стороне». И действительно, началась борьба упорная, продолжительная, поглотившая лучшие годы жизни отца Макария. История этой борьбы очень интересна вообще, как наглядное изображение отношений между национальностями греческою и русскою и между своеобразными направлениями в церковной жизни: северным, или русско-славянским, и греко-восточным, но я укажу лишь ее главнейшие моменты, определившие современное положение русских иноков в Свято-Пантелеимоновском монастыре и повлиявших на результаты деятельности отца Макария.

IV

Племенное или национальное различие в Православной Вселенской Церкви составляет логическое противоречие, тем более оно странно в среде монахов,

отказавшихся от мира для преуспевания в христианских добродетелях, и пред судом трезвого мышления оказывается каким-то ненормальным, болезненным явлением*. Такого взгляда на отношения греческих монахов к русским держался и отец Иероним после своего перехода в Свято-Пантелеимоновский монастырь, предполагая, что отношения эти со временем устроятся мирно, что греки, ознакомившись ближе с русскими, привыкнут к ним, тем более что русские станут делать для них всевозможные уступки и всемерно смиряться пред ними. Единственною целью прибытия русских на Афон было нравственное усовершенствование путем иноческих подвигов, подвижничество же немыслимо без смирения. Но такой взгляд отца Иеронима впоследствии оказался только благодушным: человеческая природа ограничена, потому даже и подвижническое смирение может иметь свои границы, особенно если оно служит лишь соблазном для тех, пред кем смиряются, и не только не оценивается ими, но еще ведет к большей кичливости и грубому нахальству с их стороны. Все же русские иноки с аскетическим терпением в течение целых шестнадцати лет переносили свое угне-

* Стремление к племенному различию в церковной жизни или филетизм возникло со времени эллинского возрождения вследствие ложно понятого патриотизма и достигло своего развития в конце шестидесятых и начале семидесятых годов, именно в разгар греко-болгарской распри, отделением Болгарской Церкви от Греческой. В эти же годы и в Свято-Пантелеимоновском монастыре филетизм дошел до крайних пределов. Чтобы не впасть в противоречие с Евангелием и церковными канонами, Греческой Церкви оставалось лишь анафемствовать филетизм, который и осужден ею на Константинопольском Соборе 1872 г., объявившем отщепенцами всех приемлющих его.

тенное положение и старались жить мирно в своей отдельной от греческих монахов части монастыря, с небольшой церковкой (параκλῆσις), в которой совершали богослужение на своем родном славянском языке.

Затем ими были сооружены церковь во имя святителя Митрофана, празднуемого лишь Русскою Церковью, и Покровский собор*, который был пристроен над русскими келлиями и освящен в 1853 году, уже после приезда на Афон отца Макария, пожертвовавшего для него вместе со своими родными гг. Сушкиными великолепные церковные украшения и дорогую церковную утварь.

Присылаемые из России пожертвования русские иноки с братскою любовью и доверием передавали грекам, не спрашивая отчета в их израсходовании; священные облачения, различные церковные сосуды и проч. распределялись пополам между греками и русскими при посредстве выборных из греческих

* Собор в честь Покрова Пресвятой Богородицы на Святой Горе единственный, потому что Греческая Церковь лишь в наше время начинает вводить в число своих празднований столь уважаемый в России праздник Покрова Пресвятой Богородицы. На Афоне есть два небольших параκλῆσις в честь Покрова, а именно в сербском Хилендарском монастыре и в русском Андреевском скиту, но собор лишь один — у русских Свято-Пантелеимоновского монастыря. В этом соборе отцом Макарием устроен придел во имя святого Александра Невского.

Придел этот был освящен в 1868 г. преосвященным Александром, епископом Полтавским, первым русским святителем, посетившим Афон.

Тем же святителем отец Макарий был возведен в сан архимандрита в присутствии святейшего патриарха Анфима, отправлявшегося в Константинополь на патриарший престол.

монахов, исключая лишь те случаи, когда жертвователи определенно выражали свою волю, что жертвуют именно для русской церкви. Такое искреннее и бескорыстное отношение русских к греческой братии признавали и уважали как игумен, так и благомыслящие из греческих монахов, но большинство этой братии все-таки враждебно относилось к русским и настаивало, чтобы ни одно из начальственных послушаний или служений в монастыре не поручалось русским, хотя число их после приезда на Афон отца Макария доходило уже до восьмидесяти.

В 1856 году отец Макарий после своего рукоположения во иеромонаха, как уже упомянуто, был избран и определен правителем русской общины в помощь духовнику ее отцу Иерониму, после чего явился посредником между своею общиной и греческими старцами, стараясь защищать и отстаивать своих иноков, что не понравилось грекам. Русские иноки, проживая в своих отдельных келлиях и присутствуя при богослужении в сооруженных ими храмах, встречались с греческими братьями на послушаниях и в трапезе. На послушаниях заведовавшие ими греческие начальственные монахи обращались с русскими несправедливо и грубо, постоянно давая чувствовать им свое превосходство над ними, в трапезе же русским чрезвычайно трудно было слушать положенное по уставу чтение житий святых на греческом языке, которого большинство русских не понимали. Чтение это, крайне монотонное и скучное, особенно тяжелое впечатление производило на вновь прибывших из России и поступающих в монастырь русских, которые, к слову сказать, только с некоторого рода самопожертвованием могли привыкать к греческим

кушаньям*; к тому же кушанья эти, по греческому обычаю, подаются каждому в особых тарелках, а не разливаются из суповых мисок на столе, почему и успевают совершенно остыть, прежде чем к ним приступят. Но иноку нельзя думать о чревоугождении; что же касается греческого чтения в трапезе, то оно-то и явилось первым поводом к ожесточенным раздорам между монахами Пантелеимоновского монастыря.

Раздоры эти начались с 1857 года и продолжались почти непрерывно в течение восемнадцати лет до 1875 года, или до торжественного избрания отца Макария на игуменство. Подробное повествование об этих раздорах еще несвоевременно, да и может быть предметом лишь специального исторического сочинения, назначенного для небольшого круга читателей, так как в нем пришлось бы рассказывать «о таких делах и словах, которые во всяком обществе вызывают строгое гражданское преследование»**.

* Русским нелегко привыкать к разнообразным пряностям, например к турецкому стручковому перцу, составляющему у греков особое любимое блюдо; в особенности же с большими усилиями русские из купечества или простолюдины приучаются кушать разного рода улиток, устриц, морских ежей, осьминогов (октоподов) и т. п. морскую снедь. Оливковое масло тоже не всякому сразу понравится. Впрочем, это масло, когда оно еще свежее, не имеет никакого запаха, несравненно чище и вкуснее прованского, но к концу года, в пору созревания маслин, оно уже портится и распространяет запах, для непривычного к нему крайне неприятный.

** См. книжку: «По поводу вопроса об афонском монастыре св. Пантелеимона. Статьи “Любителя истины”». С.-Петербург, 1874 г. Чтобы не быть голословным, я передам лишь факты, какие упоминаются в этой книге, и то лишь главные из них. Статьи «Любителя истины» помещены были в 1874 г. в греческой газете «Βυζάντις», в «Московских ведомостях», «Голосе» и «Домашней беседе».

Я приведу лишь выдающиеся сухие факты. Когда число иноков в Пантелеимоновском монастыре возросло до ста, то они потребовали, чтобы чтение житий святых в трапезе происходило не на одном греческом, но и на русском языке, по крайней мере дважды в неделю, в среду и пятницу, причем делали грекам еще такую уступку, что если в эти дни случатся праздники, когда в Пантелеимоновский собор приходят греческие монахи из других афонских монастырей, пустынножители, сиромахи и мирские, то чтобы чтение в трапезе было на греческом языке. Несмотря на все усилия игумена и беспристрастных старцев к убеждению греческой братии согласиться на такое незначительное и справедливое требование русских, оно было отвергнуто большинством греческих монахов. Между греческою братией после этого начались страстные состязания и препирательства. Русские настаивали на своем требовании. Наконец, спустя много времени, большинство греческих монахов порешили, чтобы чтения в трапезе были греческие и русские через день, по очереди, а в праздничные дни чтоб утром было чтение греческое, а вечером — русское. Меньшинство греческой братии, однако, выразили свое недовольство таким решением, и многие из греков вовсе не приходили в трапезу, когда там было русское чтение. После того греческие монахи потребовали, чтобы каждую трапезу благословлял только греческий иеромонах, а не русский; также не позволяли русским и обычного в трапезе псалмопения и т. п. Возникли снова «словопрения и препирательства», которые ведутся греками при их пылком южном темпераменте с незнакомыми для северных жителей горячностью и увлечением. В 1866 году между русскими и греками в Панте-

леимоновском монастыре состоялось новое соглашение, чтобы чтения в трапезе происходили поочередно, через день, по-гречески и по-русски, какие бы ни случились праздники, а за чтением следовало бы и псалмопение, тоже по очереди — греческое и русское.

Соглашение это было непродолжительно. Сожалея о сделанных русским уступках, греки предложили русским выработать особый письменный устав насчет их взаимного общежития. Когда русские согласились на это, и составление письменного общежительного устава поручено было одному из греческих монахов, то греки потребовали, чтоб русские составляли только четвертую часть братства, и хотя впоследствии согласились на то, чтобы в монастыре была треть русских, но никоим образом не хотели признать за ними равенства в числе братии и в правах ее. Возбужденный же русскими вопрос об избрании игуменом русского вызвал настоящую бурю, которая окончилась тем, что в 1868 году заводчик смуты, духовник греческого братства иеромонах Нифонт с 27 монахами вышли из монастыря*, но при выходе своем потребовали, чтоб им было выдано из общей монастырской кассы достаточное пособие, против чего русские не возражали.

В октябре 1870 года престарелый игумен, архимандрит Герасим, чувствуя приближение смерти, объявил желание назначить отца Макария своим преемником по игуменству**, как и он сам был назначен

* Еще прежде, в 1858 г., несколько смутьянов из греческого братства были удалены из монастыря.

** *Это событие произошло 15 октября 1869 г. См.: письмо о. Макария к архимандриту Леониду (Кавелину) от 24 октября 1869 г. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 148, к. 7, ед. 9, л. 72об.—73. — Изд.*

таким преемником игуменом Саввой. Отец Макарий настойчиво отказывался от такой чести, опасаясь самых резких выходок и действий со стороны остающихся еще в монастыре греческих филетистов, которые и прежде уже обвиняли его в том, что он панславист, почему стремится ослабить не только весь Афон, а чрез него и все епархии Македонии, Фракии, но со временем и весь Восток. Отказ отца Макария не был, однако, уважен, и на собрании старшей братии 15 октября 1870 года, состоявшемся под председательством игумена, архимандрита Герасима, в присутствии его заместителя Илариона и старших возрастом иеромонахов и монахов он был «торжественно объявлен и признан нареченным преемником игумена Свято-Пантелеимоновского монастыря».

Это наречение вооружило против отца Макария не только филетистов Пантелеимоновского монастыря, но и всего Афона. После этого «отношения между русскими и греческими монахами сделались так раздражительны и шероховаты, что святая обитель не переставала быть зрелищем ссор и споров, совершенно неприличных и живущим в мирском обществе, а тем более отцам, предавшим себя монашеской и подвижнической жизни»*.

Русских просто выживали из монастыря. В это-то время «некоторые из русских братьев по недостатку терпения и упования на Промысел Божий смущались** и стали говорить о необходимости оставить Афон и поселиться где-нибудь в России, для чего и

* Статьи «Любителя истины», стр. 54—55.

** Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской, стр. 190.

Здесь цит.: 7-е изд. М., 1886. — Изд.

построить монастырь, отрасль русского Афона, в какой-либо уединенной местности, с которой можно было бы иметь удобное сообщение. Отец Макарий, желая успокоить «малодушных из братий», решил поискать удобного места для постройки предполагаемого монастыря на Кавказе. Таким образом возникла мысль* об устройстве на Кавказе Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря, осуществлению которой, также как и благополучному разрешению раздоров в Пантелеимоновском монастыре содействовал тогдашний русский посол в Константинополе граф Н. П. Игнатьев. Во время возмущения греков в Пантелеимоновском монастыре, о котором будет сказано ниже, граф Н. П. Игнатьев посетил этот монастырь вместе с послами германским и американским, о чем тогда много писали в газетах**.

С целью осмотра местности, удобной для устройства на Кавказе Ново-Афонского монастыря, решено было отправить туда нескольких опытных иноков***, а между тем отец Макарий, по соглашению со своею русскою братией, предложил престарелому игумену отцу Герасиму для прекращения раздоров и соблазнов отделить русское братство от греческого****.

* Мысль об основании монастыря на Кавказе (и позднее пустыни Новая Фиваида) принадлежала о. Иерониму. — Изд.

** Это было вторичное посещение Пантелеимоновского монастыря графом Н. П. Игнатьевым. В первый раз он посетил Афон в 1866 г.

*** Для устройства Ново-Афонского монастыря избрано было место, где стоял древний полуразрушенный храм святого апостола Симона Кананита. Место это избрал с несколькими афонскими иноками иеромонах Арсений, строитель Пантелеимоновской часовни в Москве, где он и скончался в 1879 г.

**** Более точные сведения об этом событии и о его участниках см.: ОР РНБ. Ф. 253, оп. 1, ед. хр. 207, л. 8—8об. — Изд.

Игумен Герасим, утомленный непрестанными волнениями в монастыре, благословил русских на такое отделение, прибавив только при этом, что разделение общим монастырским имуществом должно быть сделано добросовестно. Лишь только на другой день игумен сообщил греческим монахам о таком решении русских, на которое он благословил их, как они вознегодовали против самого игумена, будто бы изменившего их интересами, и решили во что бы то ни стало окончательно подчинить себе русских. С этою целью они успели получить согласие старшей братии на выбор трех помощников игумена, чтоб они при содействии игумена и его наместника Илариона «помогали» к легчайшему и благоприятнейшему исходу затруднений в общежитии.

Как только эти помощники были назначены, так они сейчас же объявили, что монастырь управляется не игуменом, а братством, которого они представители. Таким образом Пантелеимоновский монастырь превратился в какую-то оригинальную республику, с тремя правителями, вместо одного игумена, что было дерзким нарушением монастырского устава и еще усилило раздоры и нестроение. Самозванные «представители» потребовали, чтобы монастырская печать хранилась в ящике, один ключ от которого находился бы у игумена или его наместника, другой у них, «помощников» или «представителей», а третий у отца Иеронима. Спустя два дня они сделали еще четвертый ключ. До этого времени печать, по обыкновению, хранилась у игумена или его наместника, никто, даже сами «представители», не могли доказать злоупотребления ею. Затем «представители» потребовали, чтобы монастырские документы, хранившиеся у

заведовавшего монастырским архивом, который составлял каталог им, были переданы в их руки, а они положат их для сбережения в сосудохранильнице. Несмотря на возражения против такого требования русских иноков, доказывавших, что безопаснее хранить документы в недавно выстроенных библиотеках, греческой или русской, чем в сосудохранильнице, куда монахи часто ходят с огнем, «представители», поддерживаемые своими единомышленниками, продолжали требовать выдачи документов. Желая избежать бесконечного спора, русские согласились, чтобы документы были положены в сосудохранильнице, с тем, однако, условием, что она будет заперта двумя ключами, из коих один будет находиться у греков, а другой у русских. Греки согласились на это условие, но не исполнили его. Затем греки стали требовать, чтобы им отданы были все деньги, какие хранились у русских и, наконец, воспретили им всякий доступ к престарелому и всеми уважаемому игумену архимандриту Герасиму. Все это происходило во святую Четыредесятницу, которую афонские монахи обыкновенно проводят в строгом подвижничестве, аскетическом посте и всенощных бдениях.

Не было другого исхода к прекращению бесконечных раздоров в Пантелеимоновском монастыре, как содействие в этом судебного и административного учреждения на Афоне — Протата, к которому обе стороны, как русские, так и греки, и обратились с письменною просьбой исследовать и разрешить возникшие разногласия.

Протат присылал в Пантелеимоновский монастырь две комиссии из своих уполномоченных, которые умышленно затягивали расследование дела,

отказывались выслушивать от русских свидетельские показания об обидах, чинимых греками русским, а также «о некоторых очень соблазнительных поступках и явных беззакониях вышедших из себя греческих монахов»* и вообще действовали крайне пристрасно, «доходя до запальчивости в движениях и словах, свидетельствующей о внутреннем возмущении их». Наконец, уполномоченные Протата создали всех иноков монастыря 27 апреля 1874 года, объявив им свое постановление, которому должны подчиняться как греки, так и русские. В этом постановлении между прочим было сказано следующее: 1) монастырь святого славного великомученика и целителя Пантелеимона всегда был, есть и будет греческим; 2) игумен его, как и издревле, всегда будет из греков; 3) число русской братии всегда будет на одну треть меньше всего количества греческой братии; 4) избрание игумена должно производиться подачей голосов всеми монахами, греками и русскими, в определенном выше количестве; 5) русским братьям допускается ради языка иметь своего духовника только для чисто духовного руководства, который определяется и увольняется игуменом; 6) пусть будет назначена смешанная комиссия в равном с обеих сторон числе, избираемая игуменом и почетнейшими возрастом и рассудительностью братьями, греками и русскими, избираемыми соответственно числу братства русского, то есть на одну треть меньше всего количества братства греческого; равно должны быть определяемы два писца или делопроизводителя: один грек и один русский; 7) все доселе бывшие печати отменя-

* Статьи «Любителя истины», стр. 63.

ются и будет приготовлена новая греческая печать, имеющая основанием бывшее 6677 (1169) года дело, прота Святой Горы Иоанна. Печать эта должна всегда храниться в игуменском помещении внутри ящика, запираемого столькими ключами, сколько будет членов комиссии вместе с игуменом; 8) казна должна быть общею, в которую должно быть сложено все доселе находящееся в руках русских братий, грекам неведомое, денежное имущество монастыря и то, что имеет быть приобретено в будущем; 9) смешанная комиссия вместе с игуменом будет распорядиться всеми денежными доходами, заботиться о нуждах монастыря и об упокоении братии и вообще заведовать всем, что относится к монастырскому управлению, и, наконец, 10) в старом монастыре (нагорном Руссике), составляющем неотчуждаемую принадлежность нового монастыря, воздвигаемый священный храм* должен быть приведен к окончанию, а существующие в нем теперь жилые помещения должны оставаться

* Храм, о котором упоминается в последнем пункте приведенного постановления, был в проекте великолепным мраморным собором, который русские начали строить ввиду того, что им, пожалуй, придется перейти из Нового Руссика в Старый, чтоб избежать постоянных раздоров и несогласий с греками, но, предвидя это удаление русских, а вместе с тем и освобождение их от зависимости греков, члены комиссии определили, что старый монастырь составляет собственность нового. Таким образом, и перейдя в Старый Руссик, русские иноки состояли бы в таком же подчинении у греков, как и в новом. Вследствие этого постройка русскими собора в Старом Руссике была прекращена, и в настоящее время на предполагаемом месте этой постройки ветшают сложенные под дощатую покрывку громадные колонны, высеченные из белого мрамора, с весьма искусною резьбой, имевшие поддерживать своды строившегося храма. Колонны эти со временем пригодятся для нового большого собора, который намереваются строить в Новом Руссике.

как есть, строить же какое-либо новое здание, великое или малое, не дозволяется.

Таковы существеннейшие пункты постановления протатской комиссии, состоявшего из двадцати двух глав и в подробностях определявшего все управление монастыря в том же духе национальной исключительности, или филетизма, противного христианскому учению и лишь два года назад торжественно осужденному Константинопольским Собором. Это постановление ниспровергало существовавший в Пантелеимоновском монастыре порядок, вместо действовавшего в нем общежительного устава вводило законоположение какой-то своеобразной греческой республики с гражданами и илотами, обязанными работать на этих привилегированных граждан.

Лишь только означенное постановление было объявлено членами протатской комиссии всей монастырской братии, как греческая братия с энтузиазмом приняла его и увлекла за собой даже престарелого игумена архимандрита Герасима. Торжество греков было полное, но русские, с отцом Макарием во главе*, решились отстоять свои права. Они, как это было решено комиссией, в течение двадцати четырех часов составили свои замечания на объявленное ею новое законоположение и представили его комиссии, но она не приняла русских замечаний. После этого члены комиссии 15 мая 1874 года возвратились обратно в Карею, где помещается Протат, и, уезжая из монастыря, даже не попрощались с русскими.

На другой день, 16 мая, русские отправили свои замечания на постановления комиссии в Протат с двумя своими епитропами (уполномоченными), но

* См. на с. 48—49 общее замечание Леонтьева. — Изд.

Протат встретил этих епитропов крайне враждебно и не только отказался принять доставленные ими замечания русских, но члены этого «священного собрания Святой Горы» даже не распечатали пакета с ними. Русским епитропам после этого осталось только уйти из Протата, но, уходя оттуда, они все-таки оставили на столе привезенный ими пакет с «замечаниями» русских иноков, в которых они заявляли, что не могут согласиться на сочиненное комиссией Протата «постановление», так как оно решает дело односторонне, одной стороне отдавая все, а у другой все отнимая и нарушая ее законные права. При этом они извещали, что вынуждены перенести дело на рассмотрение Великой, то есть Константинопольской, Церкви Христовой, в надежде, что получат от нее законное решение, и просили Протат принять некоторые необходимые меры для их безопасности до окончательного решения вопроса в Константинополе.

Протат не обратил никакого внимания на «замечания» русских и немедленно приступил к осуществлению «постановления» своей комиссии, прежде чем оно, по обычаю, было сообщено прочим афонским монастырям и утверждено Константинопольским патриархом. В Пантелеимоновском монастыре после этого водворилось полное безначалие. До какой степени греческие монахи этого монастыря вели себя разнузданно, можно видеть из того, что русские уполномоченные вынуждены были тайно выехать из своей обители в Константинополь. Таких уполномоченных было трое, с отцом Макарием во главе.

Можно представить себе, сколько тяжелых минут пришлось пережить отцу Макарию во время этих шестнадцатилетних смут в Пантелеимоновском монастыре,

сколько здоровья они унесли у него, но Господь хранил его для более светлой эпохи в его жизни, когда со всею силой развернулась его плодотворная деятельность. После смерти престарелого игумена, архимандрита Герасима, скончавшегося 10 мая 1875 года на сто третьем году жизни, отец Макарий, увенчанный полною победой, достигший признания Свято-Пантелеимоновского монастыря русским достоянием, возвратился из Константинополя в свой монастырь, не оставляя которого до самой своей смерти он дал обет, принимая великую схиму. 20 июля 1875 года он был торжественно избран игуменом Свято-Пантелеимоновского монастыря в присутствии экзархов Константинопольского патриарха высокопреосвященных Иоанникия, митрополита Никейского, и Иоакима, митрополита Деркийского. Утверждение его в игуменской должности последовало в сентябре того же 1875 года грамотой святейшего патриарха Иоакима. Спустя десять лет после этого, именно 14 ноября 1885 года, умер сердечный друг отца Макария отец Иероним, имевший счастье пред своею смертью благословить на игуменство своего любимого духовного сына и друга, а также увидеть окончание «борьбы за самостоятельное обеспечение свое с братией в чужой стороне».

Смерть отца Иеронима* произвела на отца Макария глубокое впечатление: он стал думать о том, что

* Отец Иероним был родом из Старого Оскола Курской губернии, в мире Иван Павлович Соломенцев, сын купца, родился в 1803 году, на Афон прибыл в 1836 году. Мать его умерла схимонахиней, сестра приняла монашество с именем Маргарита и была игуменией Борисовской пустыни Курской губернии. В родстве отца Иеронима не менее пятнадцати человек мужского и женского пола приняли монашество.

Отец Иероним родился около 1805 г. — Изд.

приближается и его кончина, почему с усиленною энергией принялся за устройство своего монастыря. Взглянем на результат его деятельности.

V

Едва ли не самую симпатичною, хотя менее всего заметною стороной деятельности отца Макария было воспитание молодых людей, прибывающих из России и поступающих послушниками в Свято-Пантелеимоновский монастырь. Русской молодежи из купеческого и крестьянского сословий на Афон приезжает много; сами отцы привозят даже своих тринадцатилетних сыновей с обетом посвятить их на служение Богу, но таких малолеток Пантелеимоновский монастырь не принимает, и только у келлиотов встречаются послушники от пятнадцати до двадцати лет, в Пантелеимоновскую же обитель поступают молодые люди, уже отбывшие воинскую повинность и получившие ополченские билеты, потому ли, что вынули дальний жеребьевый номер или потому, что имеют льготу первого разряда по семейному положению. Этим единственным детей нередко благословляют на афонское подвижничество их отцы и матери, с которыми они расстаются навски, по мирскому выражению, живыми в могилу себя зарывают. Идут они в иночество не только по доброй воле, но часто по какому-то непреодолимому стремлению, которое гонит их в монастырь, несмотря на то, что путь их туда почти всегда бывает очень тернистым вследствие борьбы их с родными, которые усиливаются удержать их дома при «своем деле». Молодежь эта настроена в религиозном направлении до экстаза и готова искать не только самых трудных подвигов, но хотя бы муче-

ничества. Эти хорошие, славные, почти без исключения очень способные молодые люди, готовые на крайнее самопожертвование, но в то же время склонные и к пылкому разочарованию, нуждаются в самом внимательном, отеческом руководстве, о котором и заботился отец Макарий. Он старался всегда поручать их надзору опытных, умных и в то же время благодушных старцев, у которых они проходили не только первую школу послушнического служения, но и совершенствовались в знании церковных служб, а также учились живописи или ремеслам. Выдающихся из них по способностям и по подготовленности к дальнейшему образованию отец Макарий направлял в своего рода афонскую семинарию, где они обучались основательному знанию греческого и русского языков, догматическим и отчасти общеобразовательным наукам, готовясь таким образом к рукоположению во диакона или иеромонаха*. Подготовка этих молодых людей к означенным священным степеням была тем необходимее, что девственность или целомудренное вдовство составляют в Пантелеимоновском монастыре неизбежное условие для хиротонии, или рукоположения, в эти степени священства. Отец

* Из таких афонских семинаристов уже вышли молодые люди, которые в священном сане составляют славу Пантелеимоновского монастыря. Они служат в греческом Пантелеимоновском соборе с греками по-гречески и своим служением, особенно чтением Апостола и Евангелия, как молодой иеродиакон отец Гавриил, положительно приводят в восторг не только греческих монахов, но даже греческих певцов, которые, как канторы у евреев, специально обучаются своему искусству и чрезвычайно гордятся им. Те же молодые люди ведут официальную переписку монастыря на греческом языке с Протатом, афонскими монастырями и с Константинопольским патриархом, так что теперь Русский монастырь не нуждается в греческих грамматиках, или писцах-секретарях.

Макарий, кроме того, имел в виду подготовить таких же деятелей для Афона, каким был сам, способных отдать Русскому Афонскому монастырю, а также тесно связанным с ним высшим нравственным интересам, не ограничивающимся одними монастырскими стенами, всю свою жизнь. Вот почему он дорожил первую попыткой афонских иноков в лице известного в России афонского миссионера отца Арсения к миссионерской деятельности. Кто же может быть лучшим миссионером, как не афонский монах, проповедующий не только словом, но и жизнью своею, обрекший себя на пожизненное служение вере православной, всегда готовый на мученическую кончину, к тому же прошедший с юных лет строгую школу подвижничества и воспитанный в афонской дисциплине, с которой не сравнится никакая военная дисциплина, потому что в армии дисциплина подневольная, а на Афоне подчиняются ей по сердечному призванию и сознательному самообращению. Отец Арсений — не афонский воспитанник и подготовился к миссионерской деятельности при одном уже почившем русском архипастыре-миссионере, а отец Макарий желал подготовить своих, афонских, миссионеров. Как-то в газетах пронесся слух, что отец Арсений открывает «практическую» миссионерскую школу на Афоне, но потом было сообщено, что такую школу решено открыть под его руководством в Петербурге. Это уже не та идея, какая была у отца Макария.

Отец Макарий был такого мнения, что Пантелеимоновский монастырь, получающий пожертвования из России, должен не только молиться о ней, и в частности о каждом из жертвователей, свято осуществляя назначение пожертвования, но и оплачивать ей свою

реальной деятельностью. Вот почему при отце Макарии в Пантелеимоновском монастыре развились иконопись, литография, метакромотипия и фотография, произведения которых в десятках тысяч экземпляров ежегодно распространяются по России и к тому же, большею частью, бесплатно. Также по преимуществу бесплатно в самых отдаленных углах России распространяются многочисленные афонские издания книг и брошюр догматического и нравственно-религиозного содержания, с которыми лишь немногие знакомы из образованного класса, потому что о них никогда и ни в каких газетах не печаталось ни критических отзывов, ни объявлений и реклам*; но русский народ знает их, потому что каждый поклонник, возвращающийся на родину с Афона, получает на самом Афоне, а возвращаясь из Иерусалима, — в Пантелеимоновском подворье Константинополя целую связку этих изданий, литографий и разных других произведений афонского художества.

Многие поклонники из купеческого сословия и крестьянства покупают на Афоне иногда на значительные суммы целые тюки афонских книг и брошюр, иконок, образков, медальончиков и т. п., которые потом на родине и раздают в подарок своим знакомым. Афонские книги ходят по рукам, читаются и перечитываются до того, что чрез несколько времени пре-

* Укажу хотя бы на одно из них, даже не духовного содержания, — «Путешествие на Афон» паломника прошлого столетия В. Г. Барского, великолепное издание, с превосходными рисунками. В приложении к седьмому изданию книги «Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе», Москва, 1886 года, перечислено более двухсот изданий Пантелеимоновского монастыря, в том числе сорок на греческом и одно на французском языках.

вращаются в клочки и потому снова выписываются с Афона купившими их поклонниками, у которых об Афоне до конца жизни остается самое светлое воспоминание. И это неудивительно: русские поклонники теперь, после победоносной борьбы отца Макария с греческими монахами и его четырнадцатилетнего игуменства, на Афоне видят, среди волшебной южной природы, своих и свое. «За последнюю четверть века, — говорит г. Смирнов*, — новый прилив русских сил ощущается на Святой Горе; многие уголки ее совершенно напоминают Россию: слыша родную речь, видя родные обычаи и с детства знакомые типы лиц, невольно забываешь, что находишься в Турции, и переносишься мыслью на далекую родину».

«Большинство афонских иноков вышло из народа темного, из крестьянства, — продолжает дальше г. Смирнов, — не удобства, не приволье привлекли их сюда — сурова монастырская жизнь на Афоне. Если вспомнить при этом о тысячах поклонников, проезжающих чрез Царьград во Святую Землю и на Афон (даже отбросив добрую половину их, покинувшую дом из любви к бродяжничеству), то нельзя не удивиться той силе духа, которая сказывается в нашем народе. Ни нужда, ни тяжелый труд, ни голод и холод не задушили в нем стремления ввысь...»

Это-то стремление глубоко понимал отец Макарий, бывший духовником русских с самой Крымской войны, во время знаменательной эпохи освобождения от крепостной зависимости и затем оскудения идеалов и общего измельчания жизни, а потому старался удовлетворить этому стремлению по силам своим.

* «Две недели на Святой Горе» Алексея Смирнова. Русск[ий] вестн[ик] 1887 г., стр. 40.

Если мой земляк, афонский послушник, получает с родины письма, в которых его спрашивают, «как избавиться от сквернословия, как ежеминутно угождать Богу, как спастись», то сколько же таких писем с каждой почтой получалось знаменитым игуменом и священноархимандритом Свято-Пантелеимоновского монастыря! И на все такие письма он старался отвечать хотя и не собственноручно, что было бы физически невозможно, но лично диктовал их. Напомню при этом, что мною было уже сказано: когда со слов отца Макария я записывал рассказ о его первоначальной жизни на Афоне, он в то же время диктовал письма двум своим личным писцам — иеродиакону Гавриилу и монаху Макарию. Но, кроме того, у отца Макария была многочисленная канцелярия, с секретарем, который был завален работой. Конечно, благотворное влияние отца Макария и воспитанного им иночества на волны русской народной жизни, как истинно христианское, совершалось в тиши, незаметно, особенно для непосвященного в тайну народного духа, которой не могли понять наши «народники», а между тем эта тайна — такая открытая тайна. Что это влияние было действительно сильно, доказательством тому служит с каждым годом увеличивающееся число русских поклонников на Афоне и желающих в последнее время, даже из привилегированного класса, поступить в афонские иноки. Как ни стараются афонские греки остановить этот прилив русских сил — и воды не дают русским, и земли не продают им ни за какие деньги, даже новых Царских врат не позволяют поставить в Керасийской келлии отца Вениамина, расположенной у подножия Святой Горы и потому посещаемой всеми русскими поклон-

никами, восходящими на вершину Афона, — но русские все идут...

Как высоко уважается русским народом благословение Афона, можно видеть из того религиозного энтузиазма, с каким принимаются в России афонские благословенные иконы. Их встречают с крестными ходами, торжественно с пением благодарственных молебствий вносят в церкви и ставят на особо видных местах, в богато украшенных киотах, а в домах они берегаются, как святыня, и передаются из рода в род, как драгоценное достояние.

Это влияние Афона — плод деятельности сначала отца Иеронима, а потом отца Макария, но с тех пор как отец Макарий стал во главе русской общины, отец Иероним оставил за собою духовное руководство русским иночеством, а своему духовному сыну и другу передал практическую деятельность и отношения монастыря к России. Немногим, конечно, известно, что под руководством отца Макария Пантелеимоновский монастырь издавал духовный журнал, называвшийся прежде «Душеполезными размышлениями»; в последнее время, как более организованный и богатый по содержанию, он носит название «Душеполезного собеседника». Журнал этот выходит ежемесячными выпусками, но для сокращения расходов по пересылке рассылается лишь шесть раз в год, чрез каждые два месяца. Размер журнала — два печатных листа в месяц, или двадцать четыре листа в год, но еще бывают и приложения, а стоит он всего один рубль с пересылкой, хотя печатается на очень хорошей бумаге и весьма опрятно; рассылается «Душеполезный собеседник» в десяти тысячах экземпляров, но за деньги, то есть выписывается лишь тысяча экземпляров.

По расчету, сделанному по моей просьбе гостинником царского фондарика в Пантелеимоновском монастыре отцом Валентином, который прежде заведовал печатанием этого журнала, если бы все десять тысяч экземпляров его выписывались за деньги, то тогда каждый его экземпляр обходился бы монастырю в рубль и одну копейку. Наши сельские священники, зная о существовании такого журнала, охотно бы выписывали его, так как в нем много очень благодарного материала для простых, сердечных беседований с народом*. Быть, этот журнал и вообще афонские книги содействуют усиленному приливу молодых, свежих сил в семью афонских иноков. Отца Макария даже отчасти смущал этот прилив, а потому он принимал в свой монастырь новых послушников с разбором. Его тревожила мысль, как эта с каждым годом увеличивающаяся на Афоне русская община будет жить в «чужой стороне» в случае каких-нибудь политических осложнений, когда, как это было в Крымскую войну, на продолжительное время прервется всякая связь ее с Россией. Предвидя возможность подобного трудного положения своих «деток», батюшка их, отец Макарий, усердно заботился о том, чтобы не оставить их после своей смерти «не обеспеченными в чужой стороне», и потому он энергически старался разрабатывать каменистую почву Афона, тем более что физический труд, по его мнению, служить для молодого инока лучшим пособием в его борьбе с «искушениями плоти и духа».

Афонскую почву очень трудно разделять под посеvy пшеницы и ячменя, так как она для этого слиш-

* Подписка на этот журнал принимается только в Москве, на Никольской улице, в Афонской часовне св. великомученика Пантелеимона, у иеромонаха Аристоклия.

ком гориста и камениста. Лишь на небольших полянках или приморских отлогих скатах гор встречаются крошечные поля, засеянные означенными хлебами, и то поля эти предохраняются от обвалов земли и размывки ее тропическим ливнем каменными стенами, устройство и ремонт которых стоит недешево. Зато виноградники дают превосходный виноград даже на довольно крутых склонах, поддержанных означенными стенами, а масличных деревьев очень много в диком состоянии, особенно в расположенных на приморских склонах лесах и зарослях, в ложбинах ручьев, иногда просто в расщелинах скал. Однажды в глубокой ложбине горного потока я встретил стройную молодую маслину в трогательных объятиях с нашею северною ольхой. Редкое дерево столь благодарно для садовода, как маслина: после пересадки оно быстро принимается, легко прививается, не требует особого, тщательного ухода, уже на шестой год после прививки дает крупные сочные плоды и почти каждый год, даже далее двухсотлетнего возраста, бывает все сплошь усыпано плодами. Вот о разведении этого-то дорогого дерева, плоды коего в форме оливкового масла и в соленом виде составляют на Востоке предмет ежедневного потребления, почти столь же насущного, как и хлеб, хлопотливо заботился отец Макарий, имея в виду, что в случае войны избыток маслин может быть продан монастырем для покупки хлеба. Несмотря на кратковременность своего игуменства, отец Макарий все-таки много сделал в указанном отношении. Уже и теперь в урожайные годы в Пантелеимоновском монастыре бывает избыток оливкового масла, которым он мог бы делиться с русскими церквами, вынужденными жечь в лампадах вместо чистого елея какой-то

смердный, дымный, ядовитый фальсификат. О снабжении чистым оливковым маслом русских храмов были деланы предложения Пантелеимоновскому монастырю со стороны высокопоставленных в нашем церковном мире лиц, но отец Макарий после серьезного раздумья вынужден был отклонить эти предложения по следующим причинам: такое снабжение было бы своего рода торговлей, которою не подобает заниматься инокам; с другой стороны, всего излишнего масла, добываемого на Афоне, было бы недостаточно для удовлетворения значительного спроса его русскими церквами: пришлось бы покупать масло на греческих островах, где оно тоже подделывается, а если бы греки-островитяне узнали, что масло покупают у них для доставки в Россию, тогда они стали бы еще усерднее его подделывать. Каково было бы услышать отцу Макарию, что доставляемое его монастырем для русских церквей масло в России нашли фальшивым? Но все же отец Макарий не остался равнодушным к такой, своего рода священной, потребности России и благословил разводить оливковые или масличные деревья в Ново-Афонском монастыре на Кавказе. Опыт был вполне успешен, и отец Макарий очень был рад, что в течение непродолжительного времени его иноки развели на кавказской почве молодой масличный сад, обещающий со временем быть образцовым для Кавказа и таким образом дать России свое, русское оливковое масло, такой же чистый елей, какой возжигается пред святыми иконами в Пантелеимоновском монастыре*.

* В Пантелеимоновском монастыре для возжигания в лампадах употребляется самое чистое оливковое масло, отстой, верхний слой его, своего рода сливки. Этот сорт оливкового масла по своему качеству единственный в мире.

Кроме оливкового масла, на Афоне в диком состоянии много фиговых деревьев, которые растут на всякой почве, при самых неблагоприятных условиях, легко прививаются и дают превосходные винные ягоды; грецкий орех достигает громадной величины, турецким орешником заросли обширные площади, особенно на северной стороне Святогорского полуострова, а необозримые каштановые леса производят несчетное количество вкусных каштанов, которые в крайней нужде могут заменять хлеб, особенно с легким виноградным вином. Грецкий орех по благословению отца Макария очень успешно разводится на Крумице; там же, как уже мною было упомянуто, обширные виноградники, для разведения которых местность и почва особенно благоприятны. Расположенная у перешейка, соединяющего Афон с Македонией, то есть на самой оконечности Афона, Крумица представляет ряды сравнительно невысоких, постепенно понижающихся холмов, которые несколько лет тому назад были сплошь покрыты вековыми, преимущественно сосновыми, лесами, но эти леса — богатство Русского монастыря — были истреблены опустошительным лесным пожаром вследствие поджога, произведенного, как полагают, из ненависти к русским. Лес исчез, но на месте его по благословению отца Макария появились виноградники, площадь которых с каждым годом настойчиво расширяется. Виноградников уже не подожгут злые люди. При разведении виноградников в остальной части Афона необходимо устройство дорогостоящих каменных стен, поддерживающих искусственные террасы на склонах горы, в Крумице же такие стены не составляют необходимости, и виноградники, хотя с затратой громадного физического тру-

да, устраиваются по всей площади холмов, с подошвы их и до вершины. У моря же постепенно понижающаяся к нему обширная горная равнина засажена оливковыми рощицами, а на Серафимовской келлии — лимонные сады, снабжающие монастырь лимонами. В масличных рощицах есть и древние деревья, но многочисленные молодые масличные подсадки, виноградники, ореховые, лимонные, грушевые деревья, дающие фунтовые дули, и т. п. плодовые деревья, превосходные *кипера*, или огороды, устроены по благословению отца Макария, который первый обратил на Крумицу внимание, выкупил ее из заклада у греков, сделал ее своего рода житницей Пантелеимоновского монастыря и украсил храмами, а при главном храме — обширными, светлыми, чистыми монастырскими зданиями для своих иноков-виноградарей, которые, благодаря заботливости отца Макария, пользуются здоровою русскою пищею и в случае болезни превосходно устроенною больницей с молодым врачом-иноком, врачебное искусство которого и внимательный уход мне пришлось испытать с глубокою к нему благодарностью.

Главный храм на Крумице — высокий, просторный, светлый*. Он сооружен, как уже мною было упомяну-

* Остальные церкви небольшие: при келлиях у моря и кладбищенская, расписанная фресками молодым художником-послушником, которого отец Макарий намеревался отправить для дальнейшего усовершенствования в живописи в Петербургскую академию художеств. Не знаю, осуществилось ли это намерение, да и едва ли оно могло осуществиться в течение этих нескольких месяцев, протекших со времени моего отъезда с Афона пред прошлыми Рождественскими праздниками. А жаль будет, если этот очень способный двадцатилетний молодой человек не довершит своего художественного образования.

Речь идет о будущем художнике Ф. Малявине. Он оставил обитель в 1891 г., выехав в Петербург. — Изд.

то, на личные средства отца Макария. У входных дверей его на вделанной в стене доске из белого мрамора изображен русский крест с надписью кругом его: «Сим победиши». Под крестом следующая надпись: «Сей храм сооружен во имя честной иконы Казанской Пресвятыя Богородицы при игумене архимандрите Макарии русском, города Тулы, господине Сушкине, при духовнике иеромонахе Иерониме. 1880 года, месяца июня 6-го дня». Храм расположен с левой стороны построенного покоем большого двухэтажного каменного корпуса — общежития иноков. Корпус этот, окруженный огородами, фруктовыми деревьями и виноградниками, весь в зелени, и из его окон открывается тот чудный, поэтический вид*, которым восхищался отец Макарий при первом своем посещении Крумицы в 1853 году. Неудивительно, что отец Макарий так любил это имение, выкупленное им у греков, и всегда с удовольствием посещал его, хотя такие посещения случались лишь два-три раза в год. У отца игумена «все времени не было». Но лишь только он, освободившись от разных монастырских хлопот, вступал на палубу своего парохода и посылал

* Недалеко от скита Крумицы (см. Патерик Афонский), на одной из высот Афона, именуемой по-гречески *Мегали Вигла*, а по-русски *Великая Стража*, афонский подвижник преподобный Марк, ученик Григория Синаита, видел Царицу Небесную на превознесенном Божественном престоле в чудной красоте и царственной славе. Ее окружали множество небесных сил, воспевая Ее величие и достоинство. Богоматерь осеняла всю Гору и проливали свет благодати, ограждающий Ее земной жребий (то есть Афон) от мира и соблазнов его. Множество афонских иноков вместе с ангелами, окружая престол Царицы Небесной, стояли как бы стражами Святой Горы, осияваясь небесным светом и блистая, как огневые столпы, в означение того, что при державном покрове Богоматери они остаются для Афона твердым ограждением.

с него свое прощальное благословение монастырю, когда рассекаемые пароходом волны уже шумели под его напором, строгое лицо отца игумена начинало проясняться, морщинистые складки над его глазами разглаживались, он дышал полной грудью и улыбался своею добродушною улыбкой. Теперь он отдыхал, весело садился на покрытое ковром небольшое возвышение среди палубы, опирался на свою кожаную подушку, любовался береговыми видами, убегающими от парохода... Но и тут не покидало его монашеское правило... Вот молитва окончилась, он весело беседовал с окружавшими, охотно отвечал на вопросы, рассказывал какое-либо свое воспоминание, а в то же время все сильнее и сильнее склонялся головой к подушке. Разговор как-то сам собою замолкал, все притихало, ходили беззвучными шагами, и никогда в монастыре не имевший беззаботного сна отец игумен мгновенно засыпал, убаюканный легкою качкой парохода.

Этот сладкий сон укреплял его на долгое время, хотя был непродолжителен. Лишь только пароход приставал к берегу в крумицкой арсане (испорченное турецкое слово *терсхане*, что значит пристань), его встречали торжественно, провожали с колокольным звоном в небольшую церковку расположенной на берегу келлии, где служилось благодарственное молебствие, а потом в фондарики для неизбежного восточного угощения. Иноки являлись с докладами, и для отца игумена снова начиналась хлопотливая, беспокойная жизнь.

Я сопутствовал отцу Макарию в его поездке на Крумицу в престольный праздник главного крумицкого храма, 8 июля прошлого 1888 года. От арсаны

еще порядочное расстояние до самой Крумицы, где скит, в котором живут иноки-вертоградари. Дорога идет все в гору до самого гребня афонской возвышенности, впрочем, здесь, у перешейка, уже невысокого. Отец игумен бодро сел на мула, которого подвел ему лесной сторож, болгарин, с длинным азиатским ружьем, в белой широкой рубашке, в синей, вышитой оригинальными узорами безрукавке, белой, с многочисленными складками фустанелле (греческом национальном костюме, коротеньком, до колен) и в красной феске. Путь открывал полесовщик, медленно шагая с перекинутым на плечо ружьем, а за ним погонщик, в таком же костюме, как и он, только без ружья, вел под узду игуменского мула, за которым подвигались десятка полтора «мулашек» с составляющими свиту игумена иноками на высоких деревянных самарах (седлах). В стороне от дороги виднелась вся в зелени фруктовых деревьев келлия, из-за ограды которой приветливо выглядывали громадные подсолнечники в полном цвету. Здесь в летнее время пчелиное царство искусного афонского пчеловода отца Иосифа*;

* Пасека переводится в Крумицу на летние месяцы из Пантелеимоновского монастыря, потому что в Крумице, омываемой двумя морскими заливами, значительно прохладнее, чем в монастыре, со всех сторон окруженном горами и открытом к морю лишь с юга и юго-запада, вследствие чего жара в нем доходит иногда до 50° по Реомюру. Кроме того, в Крумице обильный взятки для пчел с афонской сосны, составляющей особый вид и более похожей на пихту, а издали даже на лиственницу, чем на нашу северную сосну. Наша сосна успешно растет лишь у подошвы и самой вершины афонского пика. Афонские пчелы дают очень душистый воск, из которого в Пантелеимоновском монастыре готовят желтые афонские свечи, до того ароматные, что даже на пальцах державшего их некоторое время оставляют своеобразный медовый запах — экстракт чрезвычайно ароматической и разнообразной афонской флоры.

устроившего все ульи своей многочисленной пасеки по новейшим усовершенствованным образцам и внимательно следящего за развитием пчеловодства в России.

Отец Иосиф — один из прибывших вместе с отцом Макарием на Афон русских, из коих в живых остается теперь только трое. Он еще совершенно бодрый, крепкого телосложения старец, лишь с небольшою проседью в окладистой русой бороде. Все время своего многолетнего пребывания на Афоне отец Иосиф был деятельным сотрудником отца Макария и в настоящее время занимает должность казначея, а также помогает в хозяйственных делах строителю монастыря отцу Павлу. Несмотря на свою любовь к пчеловодству, он стал заниматься им лишь в последние годы, а то у него, так же, как и у отца Макария, «времени не было».

За афонскую пасекой уже начинается выгоревший лес, от которого остаются лишь громадные обугленные пни. Картина крайне безотрадная, тем более что она соединена с печальным воспоминанием о злобе людской. Когда этот лес горел, зарево от пожара было видно чуть не в самой Солуни. И отец Макарий грустно склонил голову, обозревая эти бесконечные могилы истребленных огнем лесных великанов, которыми он еще так недавно любовался, вдыхая среди них, точно родной, воздух, пропитанный знакомым из детства запахом соснового леса.

Но вот в стороне зеленая группа фруктовых деревьев, окруженная превосходно возделанными виноградниками. Это келлия живущего теперь на покое престарелого отца Иоанникия, родом болгарина, которому отец Макарий после своего первого посещения Кру-

мицы с лишком тридцать пять лет тому назад поручил ее возделывание. Выбор отца Макария был очень удачен. Отец Макарий, как и вообще люди петровского типа, обладал редким качеством выбирать себе сотрудников и поручать каждому из них сродное ему дело. Доказательство тому было налицо, когда мы, подъезжая к крумицкому скиту, увидели обширные площади виноградников, поднимающихся даже на крутизны высоких холмов и венчающих зелеными гирляндами их вершины. Отец Макарий любовался этим искусным и трудолюбивым делом рук своих виноградарей, а я приник взором к открывшейся пред нами картине.

Мы были на гребне афонской возвышенности, между двух заливов, блестящих гладкою, разноцветною поверхностью, менявшею свой вид, точно чешуя хамелеона. Это многочисленные горные потоки, ниспадая в море со Святогорского полуострова, скользили по его простору, нарушая невозмутимый покой уснувших под тропическим зноем волн; это никогда не замирающий в горных ущельях губительный ветер, «опой», поражающий злокачественными лихорадками неосторожных путников, доверяющихся его коварной прохладе, вырываясь из скалистых теснин, колебал отражавшееся в море голубое небо с этим ослепительно ярким светом солнечных лучей, которые обжигали нас будто дыханием раскаленной печи. То здесь, то там по синему простору вод, как подстреленные чайки, бессильно опустившие белые крылья, виднелись небольшие парусные суда, старавшиеся напряженными усилиями гребцов попасть под горный ветерок и хотя его легким дуновением наполнить свои уныло повиснувшие паруса.

Выжженный лес остался позади нас за зеленевшим богатую растительностью холмом. Мы были хотя и на вершине горы, но тоже среди своеобразного моря лесного. Точно заколдованные, недвижимые волны этого моря рядами ярко-зеленых, кудрявых холмов постепенно понижались от нас с двух сторон к настоящему морю, а впереди пред нами два залива этого моря, в вечном стремлении соединиться друг с другом, обглодали своими бурунами землю до того, что она, будто исполинскою костью, протянулась узкою полосой до самого материка Македонии, наступавшего на море рядами гор, точно усиливавшегося освободить из разинутой морской пасти свою завязнувшую в ней длинную шею. Далеко-далеко в стороне виднелся гордый Олимп, сильно нахлобучивший на себя зимнюю снеговую шапку, как бы досадуя на то, что с его вершины улетели веселые греческие боги...

Как только мы приехали в скит, после торжественной встречи и неизбежного восточного угощения, когда на отца Макария посыпались разнообразные доклады, я ушел в огороды, виноградники, а затем в сосновый лес по направлению к границе Афона, где под тенью одинокой сосны долго любовался дивною картиной и задумчиво прислушивался к заунывному воркованью горлицы.

Когда я воротился в скит, отец Макарий все еще беседовал о хозяйственных делах своего «хутора» с отцом Каллистратом, достойным преемником отца Иоанникия, очевидно, действовавшим вполне успешно, потому что отец игумен был в очень хорошем расположении духа. В его хозяйственные планы входило постепенное расширение виноградников на месте

сгоревшего леса, а отец Каллистрат доказывал, что крумицкое вино можно усовершенствовать до степени кахетинского самого высокого качества, только бы ему, отцу Каллистрату, дозволили лично отправиться в Кахетию и изучить приготовление этого вина на месте его производства. Отец Макарий был на этот счет иного мнения, полагая, что для афонского инока достаточно легонького красного вина, заменяющего русский квас, приготовление коего очень затруднительно в жарком климате, а потому не соглашался благословить своего главного виноградаря на далекое кахетинское путешествие.

Для успешного разведения винограда на Крумице требуется тщательная разработка почвы, которую взрывают в глубину до двух аршин, очищая ее от корней и камней. Посаженные в разделанную таким образом почву виноградные лозы достигают своими корнями до матерового слоя, откуда пользуются влагой в самые сильные жары, не нуждаясь в поливке*. Вследствие такой особой разработки винограда, на крумицкое послушание посылают молодых, сильных иноков. Я видел их загорелые мужественные лица в церкви и трапезе, где впервые услышал исполненное мужественными свежими голосами так называемое затрапезное «Достойно есть», поэтический мотив которого глубоко запал мне в душу, напомнив

* Крумицкий виноград отличается превосходным качеством и долговечностью; тридцатипятилетние лозы, посаженные отцом Иоанникием при первоначальной разработке им Крумицы, до настоящего времени приносят крупный и сочный виноград. В Крумице, кроме белого и красного, получается особый сорт розового вина, которое, будучи достаточным образом выдержано, приобретает букет и крепость вин высокого качества. Говорит, что афонское вино портится при морской доставке его в Россию.

присутствовавшим широкие, привольные русские степи и затаенную грусть о далекой, навсегда покинутой родине.

VI

На крумицкой земле, недалеко от болгарского монастыря Зографа, расположен скит Новая Фиваида, состоящий из множества маленьких калиб, раскинувшихся на большом пространстве пустынного, обрывистого морского берега, в очень живописной местности. Этот скит устроен отцом Макарием «вследствие большого притеснения русских греческими монастырями*». Почти на самом обрыве морского берега в этом скиту сооружен храм во имя всех преподобных афонских и освящен 18 августа 1883 года высокопреосвященнейшим митрополитом Сербским Михаилом, посетившим в то время Святую Гору. Кроме этого храма, в Фиваиде устроены две небольшие церкви — Вознесения Господня и во имя святых великомучеников Пантелеимона и Артемия при местной боль-

* Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской. Москва, 1886 г., стр. 177.

Вот что пишет о Новой Фиваиде протоиерей Андрей Ковалевский: «По воле о. Иеронима в монастырских владениях на Афоне недавно отделено значительное пространство земли у морского берега для населения русских иноков-келлиотов... Местности этой самим старцем о. Иеронимом дано название “Пустынь Новая Фиваида” и написан им же устав пустынной жизни... Он первый завел в Пантелеимоновой обители щедрую раздачу милостыни бедным инокам и пустынножителям Афона». Ковалевский А., протоиерей. Иеросхимонах Иероним, духовник Русского на Святой Афонской Горе Пантелеимонова монастыря, и его присный ученик игумен священноархимандрит Макарий. 3-е изд. М., 1908. С. 39—40. — Изд.

нице. Строится еще новая церковь, кладбищенская, на средства иеромонаха отца Антония, бывшего некогда игуменом русского афонского Свято-Андреевского скита и теперь избравшего Фиваиду местом своей подвижнической жизни. Здесь же в небольшом домике, художественно устроенном в весьма поэтической местности, совершенным пустынником доживает свой век строгий монах отец Иоанн, владевший прежде Керасийскою келлией у подошвы Афона. Всех фиваидских пустынников до ста пятидесяти. Многие из них живут в невероятных калибках, или просто шалашах, а один, отец Павел, в шалаше из листового железа, в котором зимой очень холодно, а летом «уж так жарко, что не приведи Господи». Эти пустынники добывают себе пропитание трудами рук своих, но при жизни отца Макария по его благословению пользовались от монастыря сухарями, иногда селедками, кислую капустой и т. п. У некоторых из них разработаны кругом калиб очень хорошие огородики. Живут они у моря и на возвышенности, в основном лесу, богатом рыжиками в осеннюю пору и даже иногда зимой: собирают грибы, сушат травы, настоей которых пьют вместо чая. Все это большую частью немощные дряхлые старцы, которых греки согнали со своих земель, потому что они не были в состоянии платить им дани даже в размере каких-нибудь трех-пяти рублей в год. По благословению отца Макария для этих бедных сиромашов в монастырском здании при скитской церкви в праздничные дни устраивалась трапеза с горячей пищей, а то и чайком их поили, иногда по горсточке «чайку и сахарцу» на руки им давали от имени неизвестных благодетелей Пантелеимоновской обители. Калибки свои

фиваидские пустынники устраивают на «собственные средства», по своему вкусу, в избранной ими самими местности. Отец Макарий сделал этим старцам величайшее благодеяние, предоставив им возможность, к тому же при содействии его никогда не оскудевавшей милостыни, самостоятельно устроиться на крумицкой земле, доживать там в посте и молитве свои старческие годы, в праздничные дни посещать скитские храмы, да еще пользоваться хорошо устроенною на двадцать кроватей больницей с богатою аптекой и пособием уединившегося в Фиваиду врача-инока.

Отец Макарий помогал и другим русским пустынникам, прикрепившим свои калибки, точно орлиные гнезда, к отвесным скалам Афона в совершенно дикой и необитаемой местности, в так называемом скиту Каруле, «к нему же», по словам путешественника прошлого столетия Барского, «уже приближающийся путь зело жесток и страшен есть, яковаго еще во всем моем путешествии не видех, яко четверть часа тебе дратися и руками и ногами, семо и овамо завращающийся, между ужасными пропастью каменными, над морем висящими, отнюду же зрящему низу, сердце унывает и великое есть тщание шествующему, да не како поползнется в пропасти. Со многою нуждой и терпением тамо живущие восходят и нисходят, обремененни суши, обаче терпят Господа ради, да в вечной жизни имут мзду»*. Барский нашел в Каруле всего трех греческих пустынножителей, а теперь там больше двенадцати русских отшельников, из коих большая половина еще молодые люди. В числе их на-

* «Второе посещение Святой Афонской Горы Василия Григоровича-Барского, им самим описанное». Афонское издание, стр. 49.

ходится бывший монах московского Высоко-Петровского монастыря Иероним, ныне карульский схимник отец Иоанн, проживающий в темной, глубокой, страшной пещере, в которую я не мог проникнуть, но в глубине коей и сам отец Иоанн не бывал, потому что «оттуда смрад исходит». Вот этот-то «богач», устроивший против своей пещеры на крошечном выступе скалы свой огород из трех кочешков капусты и шести луковиц на земле, которую он натаскал в торбе из глубокой пропасти, поднимаясь в свое жилище по веревке, вынужден платить Афонской Лавре три рубля в год оброка за занимаемую им землю. Отец Иоанн с детскою, святою наивностью уверял меня, что он считал бы себя совершенно обеспеченным, если бы мог получать откуда-нибудь двенадцать рублей в год, из коих три рубля он платил бы оброку, а на остальные девять рублей покупал бы «маслица для лампадки, сухарей, чайку и сахарку, а то очень далеко ходить в Пантелеимоновский монастырь за сухарями». За таких-то «богачей», как отец Иоанн, оброк грекам платил отец Макарий; вот такие-то пустынножители, как карульцы, не пишут в Россию писем с просьбами о пожертвованиях. Существуют и келлиоты на Афоне, которые тоже не пишут просительных писем в Россию. И они получали пособие от отца Макария деньгами, сухарями, кое-какою провизией.

Щедрого пособия отец Макарий не мог выдавать, потому что у него было много своих монастырских нужд. Одних монастырских долгов «с тяжкими процентами» русскими иноками было уплачено восемьсот тысяч пиастров. Весь монастырь почти вновь был отстроен отцом Макарием и воздвигнуты из разрушения все принадлежащие монастырю скиты, келлии

и церкви*. Возобновление одного Старого Руссика стоило значительных денег, а кроме того, вновь сооружены: Симоно-Кананитский монастырь на Кавказе, подворья в Константинополе и Одессе, часовня в Москве и Ново-Афонское подворье в Петербурге. Прошлый год, несмотря на постепенно ослабевавшее здоровье отца Макария, был для него особенно хлопотлив и тревожен. В этом году совершено было освящение главного храма в Ново-Афонском монастыре** и церкви Ново-Афонского подворья в Петербурге, что потребовало со стороны отца Макария особой заботливости и для чего был посылаем с Афона духовник отец Рафаил. В этом же году, в самый храмовой праздник Покрова Пресвятой Богородицы, внезапно бурей разбита была монастырская флотилия, состоявшая из нескольких парусных судов с пароходом,

** А. А. Дмитриевский несколько по-другому излагает историю Русского Пантелеимонова монастыря: «Вывести из гнетущей нужды Русскую обитель и дать ей внутреннюю прочную организацию, с которой бы она могла занять подобающее ей положение среди других монастырей Афонской Горы, выпало на долю духовника о. Иеронима и его ближайших сотрудников... О. Иероним так искусно повел свое дело, что в короткое время устроил крайне расстроенные монастырские финансовые дела, привлек в монастырь много русских иноков и дал им все необходимые средства к прочному их существованию в этой обители на Святой Горе. Мудрый духовник достиг этого не только тем, что он обеспечил материально своих соотечественников, но более всего тем, что он воспитал для них беззаветно преданного делу и себе самому вождя-игумена и подготовил ему нужных деятелей, сотрудников...» Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. С. 2—3, 374. — Изд.*

*** Освящение Пантелеимоновского собора совершилось в 1900 г., а в 1888 г. состоялась его закладка. Первый камень был положен императором Александром III. — Изд.*

пожар истребил склад с заготовленным на весь год сеном, в Босфоре столкнулся с другим судном монастырский бриг «Святой Пантелеимон» и погиб со всем годовым запасом соленой рыбы, несколькими тысячами подрясников, богатыми паникадилами для Покровского собора, только что воссозданного после истребившего его в третьем году* пожара, и для возобновленного в Богородицком (Ксилургу) скиту храма. Все это вредно отзывалось на здоровье отца Макария, тем более что он не облегчал своего образа жизни и ежедневно служил продолжительную «игуменскую» литургию.

Три года тому назад отец Макарий еще нашел в себе достаточно сил для того, чтобы пешком пройти от моря до самой вершины Афона по невероятно обрывистой тропинке, на которой привычный мул спотыкается по непрерывно скользящим из-под его копыт мелким камням, к самому же афонскому пику ведет такой головоломный путь, по которому даже никакой мул взобраться не может. Отец Макарий не только благополучно сделал этот путь, но еще в расположенной на самой вершине афонского пика церковке Преображения Господня совершил литургию и отслужил молебен, после чего благополучно спустился с горы для отдыха в Керасийскую келлию отца Вениамина. Тогда все удивлялись этому путешествию отца игумена и той крепости сил, какую он сохранил несмотря на свои 66 лет.

В январе прошлого года отец Макарий внезапно заболел и более двух месяцев не мог выходить из своей келлии. Иноки Пантелеимоновского монастыря уже

* В 1887 г. — Изд.

прощались со своим любимым батюшкой отцом игуменом, который сделал все необходимые распоряжения на случай своей смерти и решительно отказался от врачебной помощи, возложив все свое упование на помощь Божию. Богу угодно было еще воздвигнуть его с одра болезни, но изнурительный недуг все же оставила на нем глубокие следы: он сильно поседел и стал уставать, но нисколько не изменил аскетического образа жизни и так же, как до болезни, ежедневно совершал литургию. Когда в конце июля прошлого года я уезжал на вершину Афона, отец Макарий с истинно отеческим участием благословил меня на этот путь и в глубокой задумчивости проговорил: «А мне уже больше не увидеть вершины Святой Горы». В течение лета и осени этого года отец Макарий посетил болгарский монастырь Зограф, расположенный в чрезвычайно живописной местности, игумен которого отец Иосиф был другом отца Макария, и совершил две поездки в русские афонские скиты — Ильинский и Андреевский, но эти поездки потребовали продолжительных сборов и совершались уже с усилием. Отец Макарий, видимо, чувствовал уже приближение своей кончины. С какою глубокою задумчивостью он слушал литии над могилой отца Иеронима, служившиеся каждый праздник после трапезы: казалось, что в те минуты он всею душой переносился в другой мир, загробный, где, по вере его, и ему готовилось уже место упокоения.

В ноябре прошлого года исполнилось три года со времени кончины отца Иеронима. По афонскому обычаю следовало бы в день его погребения разрыть его могилу, обмыть вынутые из могилы кости вином и сложить их в монастырской усыпальнице. Отец Ма-

карий долго не делал распоряжения об исполнении этого обряда и, наконец, порешил отложить его еще на один год. Своим прозорливым духовным взором великий подвижник проникал в будущее, он знал, что в загробной жизни встретится со своим любимым духовным отцом и другом раньше, чем исполнится определенный им срок и он увидит разрытою его могилу.

«Чувствуя свою кончину, — пишет ко мне из Пантелеимоновского монастыря отец Валентин, гостинник «царского» фондарики, — отец архимандрит в январе текущего года решился избрать по жребию из старейших в монастыре братьев помощника себе, который был бы ему преемником после его смерти. Это избрание совершилось в храме Покрова Пресвятой Богородицы. После “особых, сугубых молитв” всей братии взятый с престола жребий выпал на честнейшего иеромонаха отца Андрея.

За месяц до своей кончины отец архимандрит почувствовал особую слабость, с ним даже случилось легкое параличное состояние в руке и языке, но чрез несколько минут миновалось. Доктора советовали ему не утомлять себя служением, как можно меньше заниматься делами, избегать всяких забот и как можно более стараться о том, чтобы вести жизнь спокойную, в противном случае ему угрожали параличом. По просьбе братии покойный батюшка отец игумен стал несколько заботиться о своем спокойствии, для чего дня на два в неделю уезжал из монастыря в любимую им Крумицу, но лишь только он возвращался оттуда в обитель, как здесь его снова встречали те же заботы и дела. Всего тяжелее для него было лишать себя служения Божественной литургии, но лишь

только он чувствовал в себе сколько-нибудь сил, как сейчас же объявлял, что будет служить, и служил, не изменяя ни в чем прежнего порядка, начиная литургию всегда продолжительною проскомидией и оканчивая молебном или панихидой, так что литургия у него продолжалась около трех часов. Покойный батюшка отец игумен нисколько не надеялся на докторские предписания и всю надежду свою возлагал на Господа Бога, вручая Ему свои тело и душу, отвечая на просьбы братии побережь себя, что если Господу угодно восстановить его силы и здоровье, то Он, Всемогущий, ниспошлет ему их для пользы обители и братии. Когда батюшке отцу игумену приходилось оставаться без служения литургии, то весь тот день был прискорбным для него».

«Накануне кончины отца архимандрита, — продолжает отец Валентин в своем письме, — в воскресенье, 18 июня, совершалось бдение по случаю наступавшего праздника всех святых новомучеников, пострадавших за Христа во время турецкого владычества. В этот день в Покровском соборе торжествуется празднество чудотворной Боголюбской иконы Божией Матери, которую отец архимандрит особенно чтит, ибо святая икона была у него как благословение родителя его и от нее он, будучи мирским, имел некое знамение. В этот день отец архимандрит совершил литургию соборно в храме святого великомученика Пантелеимона, после чего участвовал в братской трапезе, а затем присутствовал на вечерне в церкви святых благоверных князей — равноапостольного Владимира и Александра Невского и по окончании оной читал соборный акафист Боголюбской Божией Матери. После акафиста отец архимандрит поднял с престола чудотворную

икону Божией Матери Иерусалимской, трижды осенил ее все братство и вынес икону из алтаря для общего поклонения. Никто и не воображал себе о том, что это было в последний раз.

По невозможности совместить службу Боголюбской Божией Матери с воскресною и святым новомученикам отец архимандрит назначил полиелейную службу Божией Матери Боголюбской на другой день, 19 июня, вместе со службой святому апостолу Иуде, память коего празднуется в сей день. До позднего вечера отец архимандрит готовил деловые и духовные письма к отходу парохода, затем после малого, двухчасового сна (с одиннадцати с половиной до часу с половиной ночи) выслушал утреню и молитвы к святому Причащению, так как, не чувствуя особого утомления, решил отслужить Божественную литургию. Для служения Божественной литургии отец архимандрит избрал церковь Успения Божией Матери, чтобы в ней помолиться пред иконой, данной ему в благословение от его родителя. Отслужив предварительно по обычаю своему молебен, а затем продолжительную проскомидию, отец архимандрит благополучно окончил Божественную литургию, которую, по свидетельству отца иеродиакона, с ним служившего, он в этот день служил с особенным благоговением и со слезами. По окончании литургии, раздав антидор присутствовавшим в церкви, отец архимандрит возвратился в алтарь и, отойдя направо к окну, стал читать благодарственные после причащения Святых Христовых Таин молитвы, а затем, по обычаю, акафист Божией Матери. Но вдруг отец иеродиакон, потреблявший в это время Святые Тайны, услышал хрипение; взглянув на отца архимандрита, он увидел его стоя-

щим, а потому не обратил внимания на услышанное им легкое хрипение. Когда же хрипение раздалось снова, иеродиакон подошел к отцу архимандриту. В это мгновение в алтарь вошли и другие, бывшие в церкви. Стали брать книжку из рук отца архимандрита, но он еще усиливался удерживать ее, потом стал опускаться на подставленный ему стул. Немедленно разоблачили отца архимандрита и отнесли его в келлию, куда явились местные врачи и во множестве старшая братия. Старались возвратить к жизни умиравшего батюшку отца игумена. В обоих соборных храмах все братство было на молебствии, а те, кои, исполняя возложенное на них послушание, не могли явиться в храмы, по четкам молитвой Иисусовою, Божией Матери и святому великомученику Пантелеймону молились о восстановлении жизни преставлявшегося. Святые мощи великомученика и целителя Пантелеимона вместе с чудотворною иконой Божией Матери Иерусалимской были внесены в келлию отца архимандрита при непрестанной молитве находившейся здесь братии. Совершено было елеосвящение».

«Между тем прибыл доктор. Медицинские усилия соединились с братскими молитвами; но Богу не угодно было восстановить драгоценнейшую и необходимую для нас жизнь нашего вселюбимого батюшки отца игумена, — пишет отец Валентин. — Братия спешили получить от него последнее благословение. Чрез шесть часов по совершении отцом архимандритом Божественной литургии он предал дух свой Богу в присутствии братии, рыдавшей у его смертного одра. Печальные, протяжные удары колокола возвестили монастырю и всей его окрестности о совершившейся великой утрате нашей. Мы лишились

своего духовного отца, настоятеля и многолетнего руководителя. С плачем и рыданием вся братия прощалась с ним. По монашескому обычаю одели почившего, но не закрывали его лица.

По приезде в монастырь приглашенного еще самим батюшкой отцом игуменом в день памяти отца Иеронима, 15 июня, архиепископа Агафангела, проживающего на покое около Кареи и гостившего в это время на Крумице, отслужена была лития над почившим, после чего тело его перенесено было в Свято-Покровский собор, где отслужили великую панихиду. Служил архиепископ вместе с тридцатью двумя иеромонахами и десятью иеродиаконами. Затем началось чтение Евангелия поочередно всеми священнослужителями. Вечером того же дня преподобнейший наместник и преемник почившего отца игумена отец Андрей вместе со старшею братией, отцами Павлом, Нафанаилом и Рафаилом, послали телеграммы во все места, где есть наша братия, с печальным известием о кончине незабвенного отца игумена, а также известили о сей кончине ближайших административных лиц на Афоне и игуменов монастырей афонских, приглашая их всех на день погребения, назначенный 21 июня, в среду.

На другой день после кончины отца игумена, во вторник, в соборах Покровском и Свято-Пантелеимоновском соборне совершались Божественные литургии с панихидами, после чего тело почившего было положено в гроб особого устройства, только со дном и крышкой в рамах, обтянутых голубоватым коленкором, так как по местному обычаю тела усопших зарываются в землю без гробов, а лишь завернутыми в черные саваны.

К вечеру прибыли игумены из двенадцати монастырей и трех скитов со своею старшею братией, обратились наши братия из Крумицы, пустынножители из пустыни Ново-Фиваидской, множество монахов, пустынников и сиромачов со всего Афона, несмотря на то, что почти весь день шел проливной дождь. В нашей обители мы еще никогда не видели такого многочисленного стечения пустынножителей со всей Святой Горы, какое было теперь.

Вечером в обоих соборах — Свято-Пантелеимоновском и Свято-Покровском — началось всенощное бдение, продолжавшееся восемь часов. В среду, 21 июня, в день, назначенный для погребения почившего отца архимандрита, соборне совершены были Божественные литургии: в Свято-Пантелеимоновском соборе высокопреосвященным Агафангелом в сослужении архимандритов, игуменов со многочисленными иеромонахами и иеродиаконами; в Свято-Покровском соборе, где было тело почившего отца архимандрита, игуменом Зографского болгарского монастыря Иосифом, тоже в сослужении игуменов и многочисленных иеромонахов и иеродиаконов как русских, так болгар и сербов; в больничной церкви служил архимандрит Иосиф московский, а ныне в схиме Иларион (подвизается в русском Андреевском скиту). Божественные литургии совершены были и во всех других монастырских церквах, больших и малых*. Все храмы и приделы не могли вместить желавших помолиться о почившем отце архимандрите, незабвенном для всех своими благодеяниями и щедрю милостыней.

* Всех церквей с приделами в Свято-Пантелеимоновском монастыре более двадцати.

Когда в Свято-Покровском соборе окончилась Божественная литургия, в собор этот по звону колокола стеклись из всех церквей священнослужители разоблаченными, в одних епитрахильях, и вынесли почившего с зажженными в руках большими желтыми свечами из афонского воска в преднесении крестов и фонарей. За священнослужителями шло множество иноков, поклонников, мирских, мастеровых и рабочих монастыря.

Навстречу печальному шествию из Свято-Пантелеимоновского собора вышел высокопреосвященный Агафангел в полном святительском облачении, в преднесении хоругвей, крестов, фонарей, в сопровождении многочисленных священнослужителей, тоже с зажженными большими свечами в руках. Шествие с гробом следовало крайне медленно с пятого этажа, в котором устроен Покровский собор, по древним узким лестницам и останавливалось для служения литий пред параклисами (отдельными малыми церквами или приделами).

Когда шествие приблизилось к Свято-Пантелеимоновскому собору и было пред ним встречено высокопреосвященным Агафангелом, тогда тело почившего внесено в Свято-Пантелеимоновский собор, где и происходило отпевание на греческом и славянском языках. По здешнему обычаю духовенство во время отпевания не стоит у гроба, как в России, а по сторонам храма в стасидиях, или креслах, и только тот из священнослужителей, которому приходится делать возглас, подходит ко гробу и становится у него.

Отпевание продолжалось два часа, и когда все с плачем и рыданием воздали почившему последнее целование, тогда гроб вынесли из собора священнослу-

жители, которых было сто сорок. Гроб был обнесен кругом собора, причем останавливались для служения литий пред могилами отца Иеронима и иеросхидакона Илариона. Могила для почившего, как он сам указал в прошлом году, приготовлена была около стены собора, с южной его стороны, против клироса. Лицо почившего оставалось открытым все время до его погребения и казалось совершенно живым, с тем спокойным, приятным выражением, с каким он при жизни своей оказывал отеческую любовь к своим духовным чадам.

Казалось, что наш батюшка отец игумен уснул тихим, безмятежным сном. Гроб опустили при общем плаче и рыданиях наших, ибо мы остались теперь сирыми и уже не увидим такого руководителя душ наших, каким был почивший.

При гробе почившего отца архимандрита было произнесено четыре речи: преемником его по игуменству преподобнейшим отцом Андреем во время всенощного бдения после шестой песни, на Божественной литургии во время причастного стиха игуменом отцом Парфением, бывшим настоятелем Переяславского монастыря в Полтавской губернии, и две речи во время отпевания. Печальный обряд похорон закончился звоном во все колокола, причем братия с глубокою грустью положили сто поклонов с молитвой: «Господи Иисусе Христе, упокой душу усопшаго раба Твоего отца нашего священноархимандрита Макария».

Некоторые из игуменов афонских монастырей явились воздать последний долг почившему уже после его погребения, а 22 июня утром на английском пароходе прибыл в наш монастырь исправляющий долж-

ность русского генерального консула в Солуни г. Демерик. 23 июня четверо кандидатов во игумена, а именно иеромонахи Андрей, Павел, Нафанаил и Рафаил, из коих жребий пал на отца Андрея*, собрались в келлию почившего отца архимандрита, рассмотрели все, что им было оставлено, и нашли писанное им собственноручное духовное завещание, которое было прочтено в присутствии до восьмисот братьев. По афонскому обычаю был составлен протокол об избрании нового игумена отца Андрея. Протокол этот был прочтен и подписан всеми: от старшего до младшего, о чем сообщено было в Протат, откуда в праздник святых апостолов Петра и Павла ожидают представители (антипросопы) для торжественного утверждения вновь избранного игумена в его священном звании.

На девятый день по кончине отца архимандрита в монастырь прибыл проживающей в Ватопеде епископ Парфений и отслужил соборне во Свято-Пантелеимоновском соборе заупокойную литургию по почившем; во Свято-Покровском соборе тоже была отслужена соборне заупокойная литургия и во время причастного стиха на оной сказано было слово прибывшим 20 июня из Киева профессором Киевской духовной академии А. А. Дмитриевским, весьма удачно очертившим жизнь и деятельность почившего, которого г. Дмитриевский хорошо узнал во время своего двукратного пребывания на Афоне».

* Изложено не совсем верно. Иеросхимонах Андрей был избран по жребию заместителем — преемником игумена еще 16 января 1889 г. (см. с. 150), а по кончине о. Макария состоялось утверждение о. Андрея в должности игумена, что было зафиксировано в протоколе. — Изд.

«Мир праху твоему, достойнейший, вселюбимейший и незабвенный наш батюшка отец игумен! — заключает свое письмо отец Валентин. — Уповаем, что Царь Небесный вознаградит тебя в селениях праведных за твою подвижническую, святую жизнь, за твои труды и спасительные заботы не о себе, а о нас и всех, кто притекал к тебе за духовным советом и помощью. Твоею жизнью ты был для нас высоким примером, не словами, а ежедневными святыми делами внушая нам заповедь: *Возлюбиши Господа твоего всем сердцем твоим и всю душу твою, а ближняго твоего яко сам себе* (Мк. 12: 30—31)».

Содержание

Предисловие

3

Константин Леонтьев

*Воспоминание об архимандрите Макарии,
игумене Русского монастыря
святого Пантелеимона
на Горе Афонской*

7

Ипполит Красковский

*Макарий Афонский,
игумен и священноархимандрит
Афонского Свято-Пантелеимоновского
монастыря*

58

+

Во Имя Отца и Сына и Святого Духа Аминь..

Отцы и братья, возлюбленные о Господи!
Собрались все мы сюда на св. Гору, во святой жердей
Богаман...
...Напоминаю, прошу и молю вас:

храните мир, любовь и взаимное
братское единомыслие, не ищите
каждый своего «я» и ради такого
богопротивного себялюбия не за-
бывайте вашей общей пользы,
общего блага и чести обители и бра-
тии. Где мир, любовь — тамо Бог,
а где Бог — тамо всякое добро.
Мир и единомушие составляют
твердое ограждение и благоустро-
ение всякого общества, при внутрен-
нем несогласии падает всякий дом
и всякое общество.

Суды и суды
Воступница наша Владыка, Влади-
на Богородица поможеть нам, аще
уничишь...
Архимандритъ Макарий,

Миром Русекаго

св. Пантелеимова монастыре